

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Е. Гимпельсон, А.В. Шарунина

**ПОТОКИ НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ ТРУДА: 2000–2012 гг.**

Препринт WP3/2014/07

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2014

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Гимпельсон, В. Е., Шарунина, А. В.

Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. [Электронный ресурс] : препринт WP3/2014/07 / В. Е. Гимпельсон, А. В. Шарунина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 Мб). – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 50 с.

В этой работе мы анализируем мобильность рабочей силы на российском рынке труда через призму основных потоков за 2000–2012 гг. В её фокусе – динамика рынка труда, проявляющаяся в интенсивности и направленности потоков рабочей силы, и для этого используются панельные микроданные РМЭЗ за соответствующий период. В исследовании применяются три методологических приема. Во-первых, это матрицы переходов, документирующие вероятности межстатусных перемещений. Во-вторых, это индексы Шоррокса, позволяющие дать интегральную оценку интенсивности перемещений и сравнить её с тем, что наблюдается в других странах. В-третьих, это динамическая мультиномиальная логит-модель, которая отвечает на вопросы об индивидуальных детерминантах межстатусной мобильности и о наличии/отсутствии предопределенности, задаваемой прошлыми состояниями на рынке труда (наличие структурной зависимости). Мы отмечаем высокую интенсивность потоков и значительную транзитивную роль неактивности в реаллокации рабочей силы.

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Гимпельсон В. Е., 2014
© Шарунина А. В., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

1. Введение¹

Потоки на рынке труда – это процессы движения работников между разными состояниями, рабочими местами или профессиями на рынке труда. Данная статья обсуждает перемещения между занятостью, безработицей и неактивностью, направленность и интенсивность которых непосредственно сказывается на значениях ключевых показателей рынка труда – коэффициентов занятости и безработицы. В современном мире индивиды редко надолго «застаиваются» в одном состоянии, периодически меняя или теряя работу, уходя с рынка труда и вновь возвращаясь на него. Перемещаясь между состояниями – статусами на рынке труда или внутри пула занятых, они «вливаются» в определенные потоки. Анализ информации об основных параметрах потоков открывает новые возможности и в понимании более общих механизмов функционирования рынков труда, и в объяснении движения показателей занятости и безработицы (например, [Blanchard, Diamond, 1990; Petrangolo, Pissarides 2008]).

Как можно охарактеризовать российский рынок труда с точки зрения мобильности? Что здесь преобладает: динамизм или стабильность? Если динамизм, то что является его мотором? Дискуссия, затрагивающая отдельные аспекты этой темы, идет с начала 1990-х годов. Показатели наймов и увольнений в течение длительного времени «крутятся» около отметки в 30% от всех занятых, что дает оборот больше 60% и говорит о динамизме [Труд и занятость, 2013]. Безработица если и подсакивает в кризисы, затем быстро рассасывается, благодаря значительному оттоку из неё. Распределение занятых по специальному стажу показывает большую долю работников с коротким стажем, что свидетельствует об устойчивом потоке вакансий и интенсивном обороте рабочей силы. Всё это позволяет охарактеризовать российский рынок труда как весьма динамичный (см. также [Lehmann, Wadsworth, 2000; Мальцева, 2009; Гимпельсон, Капелюшников, Рыжикова, 2012]).

Однако можно привести и много аргументов в пользу теории «стабильности» российского рынка труда. Среди них: хронически низкие показатели увольнений по экономическим причинам и относительно высокая степень жесткости законодательства о защите рабочих мест, слабая (по сравнению с европейскими странами) распространенность срочных трудовых договоров в корпоративном секторе, значительная доля работников со

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Мобильность и стабильность на рынке труда», финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы благодарны за замечания и комментарии Р. Капелюшникову, О. Лазаревой и всем участникам совместного семинара ЛИРТ и ЦеТИ 16.09.2014 г.

специальным стажем более 10 лет, большой удельный вес крупных компаний и организаций бюджетного сектора (более склонных к поддержанию стабильного персонала) в общей занятости. Общеизвестны и проблемы многочисленных моногородов, где работники практически лишены альтернативы в выборе работы и предпочитают держаться за ту, что есть. Наконец, отметим слабую реакцию агрегированных показателей занятости и безработицы на макроэкономические шоки. Не случайно соответствующая этим обстоятельствам точка зрения также присутствует в научной литературе (см., например, [Friebel, Guriev 2005]) и воспроизводится в дискуссиях о проблемах российской экономики.

Ответ на этот вопрос – «что доминирует: мобильность или стабильность?» – имеет не только абстрактно-теоретическое, но и вполне практическое значение для политики на рынке труда. Понятно, что возможные «рецепты» могут сильно различаться в зависимости от того, насколько интенсивны и куда направлены основные потоки.

Данная работа носит преимущественно описательный характер. В ней мы стараемся представить некоторые базовые факты, касающиеся потоков рабочей силы на российском рынке труда в 2000–2012 гг., и тем самым пролить дополнительный свет на особенности его функционирования. Их анализ в предыдущий период был проведен в ряде работ, но за 00-е годы эти вопросы в литературе практически не рассматривались². В эти годы основные количественные параметры функционирования рынка труда сильно изменились (в частности, возрос уровень занятости и снизился уровень безработицы), хотя качественные и институциональные изменения были несущественными.

Почему понимание природы и параметров потоков на рынке труда может быть важно? Во-первых, интенсивность и направленность потоков влияют на параметры занятости и безработицы и характеризуют общие механизмы адаптации на рынке труда. Во-вторых, характер соединения работников с рабочими местами и связанные с этим реаллокационные процессы могут влиять на экономический рост и производительность.

Опираясь на панельные данные РМЭЗ – ВШЭ за 2000–2012 гг. и используя матрицы переходов и технику мультиномиальной регрессии, мы показываем, что:

- 1) мобильность между основными состояниями на российском рынке труда значительна;

² Сабирьянова К. Микроэкономический анализ динамических изменений на российском рынке труда // Вопросы экономики. 1998. № 1; Foley M. Labor Market Dynamics in Russia. 1995 (Mimeo); В. Гимпельсон, Р. Капелюшников и Ф. Слонимчик анализировали потоки за 00-е годы, но в их фокусе было движение через разные сегменты неформального сектора [В тени регулирования, 2014].

- 2) состояние неактивности выполняет особо значимую роль в адаптационных процессах на рынке труда;
- 3) работники бюджетного сектора отличаются слабой подвижностью по сравнению с работниками рыночного сектора.

Структура работы выглядит следующим образом. В разделе 2 мы кратко представляем данные и используемую нами технологию работы с ними. В разделе 3 обсуждаются направленность, интенсивность и структура основных потоков на рынке труда. Раздел 4 представляет анализ, основанный на индексах мобильности. В разделе 5 приводятся оценки, полученные на основе динамической МНЛ-модели. Заключение подводит итоги.

2. Эмпирические данные и логика анализа

В качестве основного источника информации мы используем данные РМЭЗ – НИУ ВШЭ (далее просто РМЭЗ)³. Благодаря их панельной природе мы можем проследить изменения в положении индивидов во времени и оценить интенсивность и состав потоков. К сожалению, годовой интервал в проведении обследований не позволяет схватить переходы, имевшие место в период времени между обследованиями. Лучшим решением были бы месячные или квартальные данные, которые, к сожалению, не существуют. Дополнительно на потенциальное занижение общих показателей мобильности может влиять естественное истощение панели, если выбывающие из неё являются более мобильными.

Мы ограничиваем наш анализ периодом 2000–2012 гг., хотя РМЭЗ доступен и за более ранние годы. Однако в 1997 г. и 1999 г. данные для РМЭЗ не собирались, а двухлетний перерыв между обследованиями чрезмерен и чреват серьезными искажениями оценок мобильности. Другое вводимое ограничение касается возраста индивидов. Мы рассматриваем возрастной интервал 20–72, поскольку вне его уровни экономической активности с обеих сторон очень малы. В итоге мы имеем выборку, включающую 136268 наблюдений.

Для анализа мы делим всех индивидов, попавших в обследование РМЭЗ, на три группы по статусу (занятых {E}, безработных {UN} и неактивных {IN}), стараясь при этом следовать (насколько это возможно с учетом имеющихся данных) стандартным правилам такого рода классификации.

К занятым относятся индивиды, которые удовлетворяют хотя бы одному из следующих условий: они 1) работали в предшествующем опросу месяце; 2) находились

³ Подробно о природе и структуре данных см. <<http://www.hse.ru/flms>>.

в любом оплачиваемом отпуске, кроме декретного или по уходу за ребенком до трех лет; 3) находились в неоплачиваемом отпуске; 4) занимались случайной или нерегулярной оплачиваемой работой в течение последних 30 дней. К безработным отнесены те, кто не имел работы, её искал и был готов приступить. Соответственно, все остальные классифицируются как экономически неактивные, т.е. не входят в состав рабочей силы и находятся вне рынка труда.

Кроме того, в разделе 5 мы дезагрегируем всех занятых на три группы. К бюджетному сектору {PB} мы относим индивидов, которые: 1) работают по найму на предприятиях и в организациях (юридических лицах), единственным собственником которых является государство; 2) относятся к таким видам деятельности, как здравоохранение, образование, органы управления, наука и культура. Если индивиды трудятся на предприятиях и в организациях, но условия 1) и 2) не соблюдаются, то мы считаем их работниками корпоративного коммерческого сектора {PR}. Наконец, все, чья трудовая деятельность не связана трудовыми контрактами с юридическими лицами, считаются занятыми в некорпоративном секторе {IF}. Сюда относятся индивидуальные предприниматели, самозанятые, а также работающие по найму у них и у отдельных граждан. Эта последняя группа примерно соответствует тому, что мы называем неформальным сектором в производственном определении⁴.

Дескриптивная статистика, которая даёт представление о структуре данных и распределении основных переменных, представлена в табл. 1. В анализируемой выборке в среднем за весь период занятые составляли около 65% всего населения в соответствующем возрасте, из которых 2/3 были заняты в небюджетном секторе. Оставшаяся треть делилась примерно в равной пропорции между бюджетным и некорпоративным секторами. Что касается демографической структуры данных, то женщины преобладали (в среднем 57%), а средний возраст индивидов составил 42 года. Почти половина респондентов (в среднем 44,5%) имели третичное (высшее или среднее специальное) образование, а 38% – вторичное. Каждый третий проживал в региональных столицах, еще треть – в малых населенных пунктах (ПГТ, село и т.д.), и лишь 11,4% в Москве и Санкт-Петербурге. В среднем 28,1% являются пенсионерами и 6,1% – студентами. Все названные параметры близки к показателям из демографической статистики.

Наш дальнейший анализ потоков на рынке труда использует два вида показателей.

⁴ В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. Гл. 1.

Во-первых, это стандартные вероятности переходов из состояния i в состояние j ($i \rightarrow j$), равные численности перешедших, отнесенной к численности в исходном состоянии (p_{ij}/p_i). Эти показатели просты для интерпретации, но не учитывают различия в численности индивидов между конечными состояниями, т.е. используют разные знаменатели. В итоге большое значение коэффициента может достигаться при незначительной абсолютной численности самого потока. Это создаёт ложное впечатление сильной динамики, хотя затрагивает лишь небольшое число индивидов.

Во-вторых, это потоки, соотнесенные с единым знаменателем – общей численностью населения. В этом случае величина показателя отражает долю вовлеченных в данный поток в общей численности населения. Это облегчает сопоставления, но ничего не говорит о том, какова вероятность для индивидов перейти из состояния i в j .

Имея матрицы переходов, мы можем рассчитать индексы мобильности, впервые предложенные А. Шорроксом (см. [Shorrocks, 1978]), которые дают интегральную оценку гибкости рынка труда. В этом упражнении мы следуем за работой М. Вард-Вармединер и С. Мачиарелли [Ward-Warmedinger, Macchiarelli, 2013], в которой исследуются потоки в странах ЕС. В качестве количественных критериев интенсивности мобильности мы можем использовать аналогичные показатели по другим странам. Они, как правило, выше в странах с более динамичным рынком труда. Однако такие индексы не учитывают смену работы без выхода из состояния занятости и тем самым занижают оценки общей мобильности.

Наконец, мы оцениваем динамическую мультиномиальную логит-модель (Д-МНЛ), в которой в качестве регрессоров наряду с наблюдаемыми социодемографическими переменными используются лагированные (со сдвигом в один год) дамми для статусов на рынке труда. С её помощью мы ищем ответ на вопрос об устойчивости наблюдаемых состояний и наличии эффекта предшествующего пути. Д-МНЛ модель исследуется нами отдельно для мужчин и для женщин, поскольку мы ожидаем разное поведение на рынке труда в зависимости от пола респондента. На основе полученных коэффициентов симулируются вероятности выбора того или иного статуса при заданной характеристике и фиксации всех прочих. Ограничением данного подхода является неслучайность начального состояния в нашей панели и наличие ненаблюдаемых характеристик, потенциально влияющих на выбор статуса⁵.

⁵ Пути решения этой проблемы на данных РМЭЗ обсуждаются в работе: Gimpelson V., Slonimczyk F. Informality and Mobility: Evidence from Russian Panel Data // IZA Discussion Paper. 2013. No. 7703.

3. Потоки

3.1. Агрегированные потоки

Рисунки 1 и 2 представляют усредненные ежегодные потоки на российском рынке труда за 2000–2012 гг. Мы приводим значения для двух основных показателей потоков: вероятности перехода из состояния i в состояние j (в % от величины запаса в статусе исхода) и доли (в %) от всего населения (в анализируемом возрасте), где $i, j = \{E, UN, IN\}$ (подробнее см. раздел 2).

Можно сразу отметить высокую стабильность пула занятых и значительный динамизм пула безработных. Начнем с занятых. В среднем около 90% из них сохраняли свой статус на рынке труда между двумя последовательными обследованиями (хотя многие при этом меняли место работы – об этом ниже). Те же, кто выходил из этого пула, распределялись между безработными и неактивными в примерном соотношении 1 к 3. Другими словами, отток из занятости в неактивность преобладал над оттоком в безработицу. Вообще из всех шести потоков, связывающих между собой основные статусы на рынке труда, этот поток по величине является самым значительным: на него приходится около 5,2% всего населения в рассматриваемом возрасте (рис. 2). Отдавая в незанятость всего около 6,8% населения, пул занятых примерно столько же оттуда получал обратно. Поток из безработицы составлял примерно 2,1% населения, а из неактивного населения – около 4,7%. Таким образом, поддерживалось позитивное сальдо обмена занятости с безработицей, но негативное – с неактивностью.

Динамизм пула безработных объясняется интенсивным замещением его состава. Лишь менее 20% безработных задерживались в этом состоянии на срок более года. Каждый второй (50,9%) находил себе работу в течение года, а каждый третий (30,2%) покидал рынок труда. Однако при пересчете на доли всего населения эти показатели не поражают воображения: ежегодно из безработицы в занятость перемещалось около 2,1% населения и в неактивность – около 1,2%. Пополнение же самого пула безработных шло на 60% за счет потерявших занятость и на 40% – за счет неактивных, выходящих на рынок в поисках работы.

Состояние экономической неактивности воспроизводится в 80% случаев в течение годового цикла. Однако пул неактивных состоит из двух очень разных групп населения: с одной стороны, это пенсионеры и домохозяйки, уже полностью и навсегда ушедшие с рынка труда. С другой, это студенты и учащиеся, только выходящие на рынок (или постоянно мигрирующие между состояниями занятости и незанятости), а также лица, временно пребывающие вне занятости (например, матери, воспитывающие маленьких детей, или

«молодые» и вполне работоспособные пенсионеры). Стратегии поведения этих групп заметно различаются. Первая группа с постоянным статусом экономически неактивных придает «стабильность» этому пулу, а вторая – «динамизм». Интересно, что основным каналом взаимодействия пула неактивных с рынком труда является взаимообмен с пулом занятых. Почти 16% неактивных находят работу в течение года и лишь менее 4% становятся безработными. Эти потоки охватывают 4,7% и 1,1% всего населения. Пул неактивных очень мало отдает в безработицу, но и мало из нее получает (примерно 1,2% населения).

В целом же адаптация рынка труда по-прежнему (как и в 90-е годы) шла преимущественно через обмен между состояниями занятости и неактивности, слабо затрагивая безработицу. Этот факт ранее отмечала К. Сабирьянова, анализирувшая потоки на российском рынке труда в середине 90-х годов [Сабирьянова, 1998]. Основное изменение, произошедшее в 00-е годы, касается дальнейшего усиления той роли, что играет неактивность в адаптации рынка труда. Возросли (по сравнению с серединой 90-х) вероятности перехода как из занятых в неактивное население, так и в обратном направлении, а вероятность остаться неактивным через год, наоборот, снизилась.

Мы можем сопоставить наши значения годовых потоков с теми, что наблюдались в Великобритании примерно в то же время (1996–2010 гг.) (см. [Gomes, 2010, fig. 1]). Великобритания в качестве страны для сравнения удобна тем, что она отличается крайне либеральным регулированием и, как следствие, динамичным рынком труда. Большинство значений очень близки, но два показателя выделяются. В России суммарные потоки между занятостью и неактивностью были примерно на 40% больше, чем в Великобритании. Именно за их счет относительный объем «перекачки» рабочей силы в России оказывается на 4,4 п.п. больше. Интенсивный обмен между этими состояниями хорошо вписывается в картину устойчиво низкой безработицы в экономике с мизерными пособиями, практическим отсутствием массовых увольнений и растущей неформальностью⁶. Жесткие условия доступа к пособиям (включая величину пособий) стимулируют незанятых индивидов браться за любую доступную работу как можно скорее и тем самым сдерживают уровень безработицы. Состояние безработицы (как поиска работы при отсутствии дохода) для индивида оказывается недоступным «удовольствием» по сравнению с поиском при наличии какого-то – пусть небольшого и неустойчивого – заработка. Отсюда интенсивное перемещение между

⁶ Доля уволенных по сокращению оставалась незначительной на всех фазах экономического цикла. О динамике неформальности см.: В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда.

занятостью и неактивностью, минуя безработицу как станцию поиска и «пересадки», кажется рациональной стратегией.

Описанная выше картина построена на усредненных (за 12 лет) значениях потоков. Однако экономическая ситуация в эти годы не отличалась постоянством. В 2000 г. еще в полной мере ощущались последствия экономического кризиса 1998 г., а в 2008–2009 гг. случился новый сильный макрошок. Между этими эпизодами имел место период экономического восстановления и быстрого роста, затем наступило новое восстановление (2010–2011 гг.) с постепенным сползанием в стагнацию. Реагировали ли потоки на рынке труда на такие эпизоды, и наблюдается ли какая-либо цикличность в их динамике? Для ответа на этот вопрос мы дезагрегируем общую картину по годам.

На рис. 3 представлены потоки за все пары лет в период с 2000 по 2012 г., выраженные как вероятности перехода и в процентах от населения. Верхние панели рисунка показывают динамику уровней занятости, безработицы и неактивности на данных ОНПЗ⁷ Росстата и РМЭЗ. Этот период не полностью совпадает с экономическим циклом, но охватывает его значительную часть. (Если цикл можно датировать периодом с 1998 г. по 2008 г., то мы с помощью наших данных в ежегодном режиме наблюдаем 2000–2012 гг.)

Мы могли бы ожидать цикличность во входящих и исходящих потоках для всех состояний; она статистически значима, хотя её абсолютная амплитуда не всегда велика. Выраженные циклические колебания «смазываются» скачками в значениях некоторых потоков, относящихся к 2005 г. Стабильность занятости (как сохранение этого состояния от года к году) последовательно растет до кризиса 2008 г., после чего начинает снижаться, стабильность в безработице и неактивности меняется обратным образом. Ежегодный валовый переток из занятости в неактивность снизился примерно с 5,8% (от всего населения) на 1 п.п., но затем снова возрос в кризис. Обратный переток рос с 4,5% до 5–5,5% до кризиса и затем вернулся к уровню в 4%. Разница между ними (т.е. чистый – не валовый – поток) составляет 1,5% от всего населения и показывает значительную абсорбционную реакцию неактивности на макрошок. Циклические изменения в других потоках также статистически значимы, но меньше по амплитуде и абсолютной величине чистых перетоков (см. табл. 2 и 3).

⁷ Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ) – регулярное обследование, проводимое Федеральной службой государственной статистики путем опроса домашних хозяйств. Является основным источником данных для расчета показателей занятости и безработицы (по определениям МОТ).

Дополнительный свет на динамику потоков проливают рис. 4а и 4б. Они показывают изменения в средней интенсивности межстатусных перемещений (в процентных пунктах) между рассматриваемыми подпериодами. В основном различаются выходные потоки из безработицы, но нельзя забывать, что сам абсолютный пул безработных на протяжении всего периода был относительно невелик.

Если в 2005–2008 гг. отток безработицы в занятость по сравнению с 2000–2004 гг. возрос на 3,5 п.п., то в 2009–2012 гг. по сравнению с предыдущим подпериодом он сократился примерно на 6 п.п. Также наблюдаются значительные изменения в динамике других потоков, связывающих безработицу. В первом случае мы видим и сокращение застойной безработицы, и сокращение – пусть и небольшое – оттока из безработицы в неактивность. Во втором случае эти процессы повернули вспять. Кроме того, динамика пула неактивных значительно снизилась⁸.

Всё вышесказанное позволяет предположить, что динамизм и инерция на российском рынке труда благополучно сосуществуют. Действующие институты, по-видимому, успешно гасят неожиданные ускорения («вспышки»), но не тормозят сами перетоки, которые идут с примерно постоянной скоростью.

3.2. Структура потоков: кто «едет» и куда?

Каково демографическое наполнение этих потоков и как оно меняется во времени? Даже взаимонаправленные потоки могут сильно различаться по своему составу, не говоря

⁸ Очевидно, что параметры потоков чувствительны к принятым нами определениям для основных состояний на рынке труда. Если наиболее мобильные (или нестабильные в своем статусе) работники преимущественно приписываются к одному из состояний, то интенсивность потоков, связывающих именно это состояние, может искусственно возрасти. В нашем случае это касается работников, которые занимались случайной или нерегулярной оплачиваемой работой в течение последних 30 дней (см. определение занятых в разделе 2). Часть из них может иметь слабую связь с рынком труда, проявляющуюся в крайней нерегулярности работы и в малом числе часов, которые ей посвящаются. Если такое состояние постоянно во времени, то ошибочная их атрибуция к тому или иному статусу не будет влиять на абсолютную величину потоков, а на вероятности переходов – лишь через величину знаменателя. Если такие работники активно перемещаются между занятостью и неактивностью, то создают значительный холостой оборот, ещё более «надувая» соответствующие интенсивности мобильности. Чтобы проверить масштаб потенциального искажения, вызываемого используемыми определениями, мы построили альтернативные определения занятости и неактивности. В этом случае мы отнесли к занятым лишь тех случайных работников, кто был занят такой работой более 10 часов в месяц. Эта группа составляет треть всех случайных работников, а оставшиеся 2/3 в этом случае считаются экономически неактивными. Подобное изменение в классификации по статусу занятости еще более поднимает показатели интенсивности потоков между занятостью и неактивностью, но практически не затрагивает другие потоки. Но значительная часть случайно занятых (в базовом определении) не является мобильным контингентом и составляет стабильную (с точки зрения классификации) компоненту рабочей силы. Расчеты, основанные на уточненном таким образом определении занятых и неактивных, лишь подтверждают выводы, полученные с помощью базового определения.

уже о разнонаправленных. Например, индивиды, переходящие из занятости в безработицу, отличаются по своим индивидуальным характеристикам как от тех, кто движется обратным курсом, так и от всех остальных. Сначала мы рассмотрим усредненные (за период) показатели (см. табл. 4), а затем вкратце отметим их возможную динамику.

Как мы видели ранее, наиболее «полноводными» по объему являются взаимонаправленные потоки между состояниями *занятости и неактивности*. В каждом из них женщины преобладают, составляя около 2/3 от всего состава, что превышает их долю во всей выборке. Можно предложить три объяснения «женского лица» в этих перемещениях. Во-первых, женщины относительно позже (по сравнению с мужчинами) выходят на рынок труда и раньше уходят с него. Это означает, что часть мужчин может не попадать в выбранные возрастные рамки анализа, т.е. цензурироваться нашими данными. Во-вторых, из-за более высокой смертности в трудоспособном возрасте мужчины имеют более высокие шансы выпасть из выборки. Наконец, в-третьих, женщины в большей мере вовлечены в возвратные перемещения между этими состояниями. Это, в частности, связано с рождением детей и связанным с этим временным прекращением трудовой деятельности.

Распределения индивидов по возрасту в противоположно направленных потоках не симметричны. Из занятости чаще уходят люди старшего возраста (в возрасте 50+) – таких 43%, а приходят младшего и среднего возраста – по 37% соответственно. Это понятно: обновление рабочей силы идет за счет притока молодежи извне рынка труда и оттока пожилых в неактивность. Конечно, в этом обмене участвуют все возрастные группы, но такое смещение очевидно. Распределения по образованию среди перемещающихся между состояниями занятости и экономической неактивности если и не идентичны, то очень близки.

В структуре обмена между состояниями *занятости и безработицы* мужчины и женщины представлены примерно поровну. Распределение «перемещающихся» из занятости в безработицу слегка сдвинуто (относительно обратного потока) в пользу старших возрастов. Среди них 32% лиц моложе 29 лет против 42% в обратном потоке и 20% старше 50 лет против 15% соответственно. Эта небольшая асимметрия подчеркивает тот факт, что с возрастом находить работу людям становится сложнее.

Выше мы уже писали о том, что потоки, соединяющие *неактивность и безработицу*, в абсолютном выражении невелики. Занятые при потере работы чаще сразу уходят в неактивность, нежели делают это транзитом через безработицу. Это связано как с дестимулирующей величиной пособия (которая на протяжении всего периода была очень мала по сравнению с замещаемой ею зарплатой), так и с дефицитом привлекательных

вакансий для поиска из состояния безработицы. В этих потоках (как и в других, связанных с неактивностью) преобладают женщины. Поток в безработицу (из неактивности) моложе, чем идущий в обратном направлении. В первом случае лица моложе 30 лет составляют 44%, а лица старше 50 лет – 19%. В обратном потоке они составляют примерно по 30% соответственно. Что же касается образования, то лица с более высоким образованием чуть больше представлены в потоке в безработицу, чем в обратном потоке из неё. Это связано с тем же самым: с возрастом и с более низким образованием поиск привлекательной работы осложняется и удлиняется, а перспектива неактивности становится более приемлемой.

Такая структура потоков оставалась относительно стабильной на протяжении всего периода. Изменения, которые всё же можно отметить, касаются, прежде всего, взаимобмена между занятостью и неактивностью. В потоке $E \rightarrow IN$ снижались доли мужчин, молодежи, лиц с образованием ниже среднего, но возрастала доля обладателей третичного образования. В обратном направлении ($IN \rightarrow E$) доля лиц без образования также снижалась. Во всех остальных потоках, затрагивающих безработицу, можно отметить одно главное изменение – тенденцию к увеличению доли лиц старше 50 лет.

3.3. Декомпозиция потоков по полу, возрасту и образованию

Таблица 5 представляет результаты декомпозиции потоков по основным демографическим характеристикам.

Различия в интенсивности потоков у мужчин и женщин в той или иной мере проявляются во всех потоках (соединяющих разные состояния), но наиболее очевидны в потоках между *занятостью* и *неактивностью*. Так, у женщин интенсивность «движения» по этому маршруту составляла 5,8% ($E \rightarrow IN$) и 5,4% ($IN \rightarrow E$) от (женского) населения, а у мужчин 4,4% и 3,8% соответственно. Мужчины с большей вероятностью сохраняют занятость (68% против 54%), а женщины более стабильны в неактивности (29% против 17%). Если выше мы указывали на особую адаптационную роль этого маршрута ($E \rightarrow IN$), то для женщин этот вывод звучит сильнее, чем для мужчин, хотя он верен в обоих случаях.

Различия в интенсивности потоков по возрастным группам еще более выпуклы. Движение между любыми состояниями в младшей группе (до 30 лет) идет особенно активно, потоки между *занятостью* и *неактивностью* максимальны: 6,3% ($E \rightarrow IN$) и 8,4% в обратном направлении. Молодые люди курсируют между этими состояниями в поиске привлекательной работы, разбавляя временной занятостью учебу, поиски себя, уход за детьми и пр. При этом итоговое сальдо перемещений оказывается в пользу занятости, поскольку с возрастом их интенсивность снижается, и индивид в конце концов находит ту

работу, на которой готов задержаться на продолжительное время. В этом возрасте потоки между занятостью и безработицей также значительны: 2,5% идут в безработицу и 4,3% – в обратную сторону.

В старшей возрастной группе (50+) практически все движение приостанавливается, исключением являются переходы между *занятостью* и *неактивностью*. В направлении (E→IN) ежегодно перемещается примерно 6% населения, а в обратном направлении лишь 3,3%. Это соответствует постепенному выходу населения с возрастом из рабочей силы. При этом вероятность сохранить занятость снижается (до 37,8%), а вероятность неактивности возрастает (до 49,4%).

В среднем возрасте (30–50 лет) все показатели приближены к средним, что не удивительно. Однако показатели перетоков между *занятостью* и *неактивностью* остаются значительными и составляют около 4% от всего населения в этой возрастной группе в каждую сторону.

Декомпозиция по образованию также подчеркивает доминирование потоков между *занятостью* и *неактивностью* во всех образовательных группах. При этом максимальных значений они достигают в группе со средним образованием. Во всех образовательных группах отток из занятости (в неактивность) превалирует над притоком и тем самым обеспечивает негативное сальдо обмена.

Стабильность занятости (т.е. шансы сохранить её на следующий год) является минимальной (относительно других образовательных групп) в группе с образованием ниже среднего, а стабильность неактивности здесь максимальна. Это подчеркивает усиливающуюся маргинальность работников с низким уровнем образования, проявляющуюся в их постепенном вытеснении с рынка труда.

3.4. *Работники бюджетного, корпоративного и некорпоративного секторов*

Предполагая, что очевидная неоднородность занятости может влиять на интенсивность соответствующих потоков, мы разделили всех занятых на три подтипа (см. раздел 2): занятые в бюджетном секторе, в небюджетном корпоративном секторе и в некорпоративном секторе, который представляет собой всех занятых вне предприятий и организаций. Напомним, что в первый подтип вошли занятые в организациях образования, здравоохранения, культуры и государственного управления, где единственным собственником является государство. Во второй попали работники всех прочих предприятий и организаций, являющихся зарегистрированными юридическими лицами. Наконец, третий составили те, кого можно назвать неформалами в широком смысле – самозанятые

и предприниматели, не имеющие регистрации в форме юридических лиц, занятые по найму у таких предпринимателей или у граждан⁹. Мы ожидаем, что предлагаемое деление схватывает некоторые существенные различия между этими подтипами в природе генерируемых ими рабочих мест. Нас здесь интересует то, как они взаимодействуют друг с другом и с другими статусами на рынке труда. Можно предположить, что параметры взаимодействия будут различаться, учитывая и разную природу рабочих мест, и различия в индивидуальных характеристиках типичных «обитателей» этих подтипов.

Однако различия между ними связаны не только с характеристиками составляющих их работников и рабочих мест, но и с особенностями функционирования регулирующих институтов. Это, прежде всего, касается законодательства о защите занятости, которое в России – по своей букве – отличается достаточной жесткостью. Однако его инфорсмент далеко не полон и варьирует от максимального уровня в бюджетном секторе до минимального в неформальном [Gimpelson, Kapeliushnikov, Lukianova, 2010]. Аналогичные соображения применимы к установлению минимальной заработной платы или функционированию профсоюзов. Хотя у нас нет возможности разделить эффекты регулирования, характеристик рабочих мест и работников с учетом возможного неслучайного отбора в подтипы занятости, эту взаимосвязь мы должны иметь в виду.

В табл. 6 представлены оценки потоков с указанием вероятностей $i \rightarrow j$ перехода, где $i, j = \{PB, PR, IF, UN, IN\}$ (т.е. в процентах к численности группы исхода). Если мы будем анализировать только потоки с вероятностями перехода 20% и более, то таких у нас всего три. Это переходы из безработицы в небюджетный сектор (около 30%) и в неактивность (около 30%), а также из неформального в небюджетный сектор (24%). Еще три перехода имеют вероятности от 10 до 20%. Это потоки из неформального сектора в неактивность (19%), из безработицы в неформальный сектор (около 16%) и из бюджетного в небюджетный (11%). Можно сказать, что фокусом притяжения является небюджетный сектор, принимающий индивидов из других подтипов занятости и из неактивности. Кроме того, мы отмечаем активное движение в контуре безработица – неактивность – неформальность.

Если на те же перемещения мы посмотрим через призму потоков, нормированных на общую численность населения (столбец 3 табл. 6), то картина несколько меняется. Мы сконцентрируемся здесь на наиболее значимых потоках, каждый из которых охватывает не менее 1% населения. Небюджетный сектор остается центром притяжения: его связывает

⁹ Подробнее про особенности выделения данной группы см: В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда.

обмен со всеми другими состояниями. Интенсивность его ежегодного обмена с неформальным сектором и с неактивностью составляет более 2% в каждом направлении. Он также достаточно активно обменивается с бюджетным сектором, оставаясь здесь нетто-реципиентом. При этом для бюджетного сектора – это единственная активная линия обмена. Другим фокусом взаимодействия является состояние неактивности, которое обменивается со всеми, кроме бюджетников.

Что мы можем здесь отметить, основываясь на данных о потоках? Два обстоятельства нам кажутся особенно важными. Во-первых, относительная изолированность бюджетного сектора, который крайне слабо «общается» через взаимообмен рабочей силой с другими секторами или состояниями. Учитывая это обстоятельство, а также устойчивые различия в заработной плате между сопоставимыми бюджетниками и небюджетниками в пользу вторых [Гимпельсон, Лукьянова, 2006; Шарунина, 2013], можно предположить выделение первых в своего рода автономный сегмент. Во-вторых, «активная» роль состояния неактивности, участвующего в интенсивном обмене с другими состояниями, и тем самым выполняющего важную роль в адаптации рынка труда в целом.

Однако, как уже отмечалось выше, стабильность пула занятых также не является абсолютно статичной. Оставаясь в нем, многие находятся в активном движении между рабочими местами, не выходя при этом в состояние незанятости. Сохраняя рабочее место, несмотря на общие и локальные кризисы, работники могут в то же время искать другую работу, подготавливая тем самым основания для своих будущих перемещений¹⁰. Различные имеющиеся данные о смене работы говорят о том, что такие перемещения ($E \rightarrow E$) идут очень интенсивно, постоянно видоизменяя структуру занятых по видам деятельности, профессиям и т.п. Распределение занятых по специальному стажу позволяет уточнить наши представления о стабильности и статичности занятости.

3.5. *Специальный стаж*

Альтернативное представление о потоках дают данные о распределении работников по величине специального стажа (продолжительности работы у данного работодателя). На рис. 5 и 6 показаны доли работающих со специальным стажем до года (включительно) и более 10 лет. Первый показатель характеризует степень мобильности, а второй – стабильности. Мы приводим соответствующие значения как для всех занятых, так и в разрезе трех выделенных выше подтипов.

¹⁰ При достаточно высоком пособии по безработице поиском можно заниматься и будучи безработным.

Сначала посмотрим на тех, чей стаж у данного работодателя не превышает одного года. Этот показатель дает нижнюю оценку общего числа наймов, осуществленных в прошлом году (он не «схватывает» множественные смены работы в течение года, а учитывает только последнюю работу). В среднем за период (2000–2012 гг.) доля вновь нанятых составляла около 23% (см. также [Мальцева, 2007]) и колебалась в довольно узких пределах от 22% до 25%. Интересно, что доля «краткостажников» хотя медленно, но росла до 2009 г., отражая, по-видимому, расширение возможностей трудоустройства, что в свою очередь могло стимулировать потоки в занятость и внутри занятости. Этот показатель снизился примерно на 1,6 п.п. в 2010 г. по сравнению с предкризисным периодом. Но это всё высокие значения, свидетельствующие о невероятно мобильной природе российского рынка труда и значительном числе вновь открывающихся вакансий. Здесь мы имеем дело с интенсивным оборотом работников, который во многом является «холостым» и не подкрепляется адекватным созданием новых рабочих мест (см. [Гимпельсон, Капелюшников, Рыжикова, 2012; Гимпельсон, Жихарева, Капелюшников, 2014]). И хотя альтернативные источники данных о стажевой структуре дают иные и значительно более низкие значения¹¹, данная оценка лучше соотносится со статистикой наймов и увольнений [Труд и занятость в России, 2013, с. 308–309].

За средними показателями доли «краткостажников» скрываются значительные различия между тремя выделенными подтипами занятых. Если для бюджетников она (доля со стажем до года) составляла в среднем 14%, для небюджетников – 25%, то для занятых в неформальном секторе – все 33%.

Несмотря на интенсивный оборот работников, их существенная часть по-прежнему сохраняет приверженность своему месту работы на протяжении уже длительного времени. Это видно на рис. 6, отражающем динамику распределения «ветеранов» с длительным стажем. Более длинный стаж означает не только меньший оборот внутри пула занятых (т.е. отсутствие прямых переходов с одной работы на другую), но и неучастие в обмене с другими пулами (другими статусами) на рынке труда. Каждый четвертый среди всех занятых имеет специальный стаж более 10 лет. Доля таких среди бюджетников составляла в среднем около 40% и неуклонно росла в посткризисный период. Этот тренд может иметь три основные причины: рост относительной привлекательности имеющихся бюджетных рабочих мест, снижение доступности рабочих мест в небюджетном секторе и старение «бюджетной» рабочей силы. Первые две причины взаимосвязаны и завязаны на особенности

¹¹ Справедливости ради следует отметить, что ОНПЗ дает более низкую оценку такого рода мобильности.

посткризисного экономического развития, последняя – носит более длительный характер, обусловленный демографическими процессами. Она, если имеет место, могла начать проявляться и до кризиса, но при этом (частично) компенсироваться противодействующими обстоятельствами (такими как снижение привлекательности бюджетных и рост доступности альтернативных рабочих мест).

4. Меры мобильности (индексы Шоррокса)

Выше мы неоднократно упоминали об интенсивности межстатусных перемещений на российском рынке труда. Этот тезис мы иллюстрировали косвенными сопоставлениями. Для прямой оценки мы используем индексы мобильности M , впервые предложенные в работе А. Шоррокса [Shorrocks, 1978]. Они рассчитываются на основе матрицы P_{ij} , элементы которой представляют собой вероятности перехода из статуса i в статус j . В случае с тремя статусами на рынке труда матрица P имеет размер 3×3 , где сумма вероятностей по строкам равна 1. Формула расчета индекса мобильности Шоррокса имеет вид $M = \frac{n - \text{trace}(P)}{n - 1}$, где n – размерность матрицы, а $\text{trace}(P)$ – след матрицы P , т.е. сумма всех элементов на главной диагонали.

Индекс Шоррокса принимает значения от 0 до 1, где $M = 0$ соответствует ситуации полной стабильности (все индивиды остаются в своих статусах между ежегодными наблюдениями, т.е. все диагональные элементы равны 1), а $M = 1$ представляет совершенную или полную мобильность (perfect mobility, по Шорроксу). Однако, как отмечает Шоррокс [Shorrocks, 1978], индекс ограничен сверху значением 1 только при условии, что транзакционная матрица имеет максимальные элементы на главной диагонали, т.е. $p_{ii} \geq p_{ij}$ для всех i, j . Если это условие не выполняется, то матрицу P необходимо преобразовать в \tilde{P} , элементы которой удовлетворяли бы условию $\mu_i p_{ii} \geq \mu_j p_{ij}$ для всех i, j . В нашем случае это условие соблюдается.

Мы рассчитали значения M между тремя состояниями (E , UN , IN) для всех пар лет с 2000 г. по 2012 г. для всей выборки и для отдельных демографических групп (табл. 7). Это дает возможность сравнивать мобильность между группами и во времени. Мобильность в данном контексте ассоциируется с волатильностью статуса и с более высокой вероятностью межстатусных перемещений. Это означает, в частности, что безработица не является застойно-хронической, но и занятость также не гарантирована.

Как следует из табл. 7, максимальной межстатусной мобильностью отличаются представители самой младшей из рассматриваемых групп, причем с возрастом мобильность ожидаемо снижается. Самые низкие показатели – у лиц со средним образованием. Мобильность женщин и мужчин различается слабо. При этом динамика показателя по годам трудно поддается интерпретации, поскольку выглядит как совокупность случайных колебаний. Единственное, что можно отметить с определенной уверенностью, – это постепенное снижение мобильности в младшей возрастной группе и тенденцию к конвергенции индексов для разных групп. В принципе, это согласуется с «успокоением» рынка труда в целом, индикатором чего является и тенденция снижения безработицы. Если в Европе максимальная мобильность наблюдается также в группе лиц с высшим образованием [Warmedinger, Macchiarelli, 2013], то в России – в группе со средним. По-видимому, лица с высшим образованием «мобильны» внутри занятости, а «границы» состояний чаще пересекают обладатели среднего образования.

Как российские показатели выглядят на фоне других стран? Межстрановые сопоставления позволяют делать выводы о том, являются ли полученные значения высокими или низкими. Здесь мы ориентируемся на оценки по странам Европейского союза за период 1998–2008 гг., приведенные в работе [Ward-Warmedinger, Macchiarelli, 2013] и полученные по сопоставимой методологии. В обоих случаях (Россия и страны ЕС) показатели рассчитываются на основе матрицы переходов размерностью 3×3 и периоды, за которые оценивается мобильность, почти совпадают.

Российские значения индекса Шоррокса устойчиво выше, чем в европейских странах, и эти различия существенны. Например, среднее значение индекса для России за период 2000–2012 гг. равно 0,555 против 0,295 для стран ЦВЕ, входящих в ЕС, 0,272 для стран еврозоны, и оно максимально для Дании – 0,449 и Швеции – 0,44. В целом же Дания оказывается самой «мобильной» страной, Швеция идет вслед, а население стран Восточной Европы наименее склонно к мобильности такого рода.

В принципе вывод о высокой мобильности в России для нас ожидаем. Он поддерживается альтернативными данными об интенсивности наймов и увольнений, о распределении по специальному стажу, о низкой продолжительности безработицы и об особой адаптационной роли неактивности. Однако по показателям создания рабочих мест Россия отстает от большинства европейских стран [Гимпельсон, Капелюшников, Рыжикова, 2012]. Согласно данным Росстата, в год создается около 3,5–4 млн рабочих мест в сегменте

КиСП¹², но эти показатели завышены за счет вероятного двойного счета при учете новых рабочих мест на вновь созданных предприятиях. С другой стороны, создание (как и ликвидация) вне КиСП идет, по-видимому, более интенсивно. Если принять завышение в первом случае примерно равным занижению во втором и распространить показатели создания на весь рынок труда, то мы получим около 7 млн новых рабочих мест (или около 10% в год). Показатель доли краткостажников (менее 1 года), равный 20%, означает примерно 14 млн наймов в год. Как примирить интенсивные потоки работников с весьма скромными потоками рабочих мест? Это означает существование интенсивного холостого оборота, когда новые наймы заполняют старые позиции, освободившиеся из-за ухода работников. Такой холостой оборот, с одной стороны, необходим для взаимной «подгонки» работников и работодателей, с другой, связан с огромной неэффективностью и тратой ресурсов.

5. Мультиномиальный логит-анализ

Матрицы мобильности и построенные на их основе индексы дают усредненное представление об интенсивности и направлении перемещений и не учитывают неоднородность индивидов. Например, в одну сторону могут двигаться более молодые и образованные, а в другую – пожилые и менее образованные. Поэтому следующий вопрос, на который мы ищем ответ, звучит так: как влияют характеристики респондентов на выбор ими соответствующего статуса на рынке труда при условии равенства всех остальных характеристик.

В качестве очередного шага в рамках нашего эмпирического анализа мы оцениваем динамическую мультиномиальную логит-модель выбора статуса на рынке труда. Модель выглядит следующим образом:

$$P(Z = j | X_{it}, Z_{it-1}) = \frac{\exp(X_{it}\beta_j + Z_{it-1}\gamma_j)}{\sum_{s=1}^j (\exp(X_{it}\beta_s + Z_{it-1}\gamma_s))}$$

Наша зависимая переменная принимает три значения, соответствующие состояниям занятости, безработицы и неактивности $\{j = E, UN, IN\}$. Регрессорами служат основные индивидуальные характеристики респондентов (X) (пол, возраст, образование, поселение, семейное положение, наличие детей), год проведения обследования, федеральные округа,

¹² КиСП – крупные и средние предприятия.

а также дихотомические переменные для статусов занятости в предшествующем периоде (вектор Z_{t-1}).

Коэффициенты при лагированных переменных для статусов характеризуют зависимость от предыдущих состояний¹³. Поскольку коэффициенты МНЛ-регрессии неудобны для интерпретации, далее мы рассчитываем (симулируем) условные вероятности выбора статуса для индивидов по всем выделенным группам. Для этого мы фиксируем определенные значения лагированных статусов для всех индивидов и, используя полученные коэффициенты, рассчитываем вероятность каждого состояния в настоящем периоде для «усредненного» индивида, зафиксировав для него все прочие характеристики на уровне средних значений по выборке.

Полученные при оценке коэффициенты представлены в табл. 8. Симулированные вероятности представлены в табл. 9. Что нам рассказывает эта таблица? Вероятность быть занятым для мужчин выше, чем для женщин, а вероятность неактивности – наоборот. Что же касается вероятности безработицы, то она невелика для обоих полов, но чуть выше для мужчин. Риск безработицы снижается с возрастом (достигая 5,3% в группе 20–29 лет), а риски неактивности выше в крайних возрастных группах. С ростом образования вероятность быть занятым растет, а риск неактивности снижается. Максимальный риск безработицы при этом наблюдается в группе со средним образованием. Эффекты типа поселения выражены не очень явно, но вероятность неактивности оказывается выше в столицах и в сельской местности. Для пенсионеров и студентов возрастает риск экономической неактивности.

Особый интерес для нас представляют условные вероятности межстатусных переходов (вероятности перехода из состояния i в году $t - 1$ в соответствующее состояние j в году t). Они представлены по строкам табл. 10. Эти оценки подтверждают и уточняют выводы, которые были получены на основе безусловных матриц переходов (в разделе 3). Мы видим, что вероятности движения через состояние экономической неактивности высоки и существенно превышают вероятности движения через безработицу. С вероятностью в 54% безработные находят работу в течение года и с вероятностью в 27% уходят с рынка труда. Что же касается неактивных, то они в 57% случаях переходят в занятые и лишь менее чем в 5% попадают в безработицу.

¹³ Мы отдаем отчет в том, что неслучайный отбор на рынке труда может объясняться как действием ненаблюдаемых характеристик, так и неслучайным выбором статуса в первый год попадания в панель. Однако эконометрическое решение этой проблемы связано с наложением целого ряда сильных ограничивающих предположений, во многом снижающих ценность полученных в итоге результатов.

Результаты симуляционных расчетов условных вероятностей еще нагляднее демонстрируют и высокий общий уровень мобильности на российском рынке труда, и особую роль состояния неактивности. Так, условная вероятность перехода из занятых в неактивные составляет 10% по сравнению с 8% в безусловных матрицах переходов, а из неактивности в занятые она равна 57% по сравнению с 16% в безусловном случае. При этом условные вероятности других переходов изменились незначительно.

В табл. 6 и табл. 13 представлены матрицы безусловных и условных (симулированных) вероятностей межстатусных переходов для мужчин и для женщин с дальнейшей дезагрегацией пула занятых на бюджетников, небюджетников и неформалов (оценки коэффициентов представлены в табл. 11, а симулированные вероятности – в табл. 12). В этом случае наша зависимая переменная принимает пять значений. Основной вывод заключается в том, что мы получаем подтверждение высокой стабильности – низкой мобильности работников бюджетного сектора. Если мужчины покидают его, то ради работы в небюджетном. Женщины же, покидая его, уходят с рынка труда. Сопоставление двух наборов оценок показывает, что результаты качественно близки, но «сырые» вероятности недооценивают интенсивность мобильности. Оценки вероятности сохранения статуса снижаются (значения соответствующих диагональных элементов в таблицах при контроле наблюдаемых переменных оказываются ниже, хотя и не намного). Это происходит, прежде всего, за счет повышения вероятности ухода в неактивность у женщин и выхода из неактивности у мужчин. Например, у мужчин вероятность перехода из неактивности в небюджетный сектор увеличивается с 15% до 32% и в некорпоративный сектор – с 10% до 17% (вход на рынок труда). У женщин особо выделяется прирост вероятностей перехода в неактивность из небюджетного сектора с 13% до 23%, а из безработных – с 32% до 37% (выход с рынка). Такие результаты хорошо согласуются с нашими общими выводами о том, что экономическая неактивность часто «работает» как своего рода стабилизатор и перекачивающий насос, замещая определенные функции безработицы. Индексы Шоррокса как количественные меры интенсивности мобильности при переходе к условным вероятностям на матрице 5×5 повышаются с 0,56 до 0,67 у мужчин и с 0,56 до 0,65 у женщин.

С чем связана такая «востребованность» состояния неактивности? По-нашему мнению, это может быть зеркальным отражением низкой «востребованности» безработицы из-за мизерных пособий и слабой доступности реальной помощи в трудоустройстве. Учитывая высокий оборот внутри пулов занятых и неактивных, естественно предположить, что поиск работы идет преимущественно из этих состояний.

6. Заключение

В этой работе мы анализируем мобильность рабочей силы на российском рынке труда через призму основных потоков за 2000–2012 гг. Выбор именно этого периода не случаен. Он отличался значительным макроэкономическим «разнообразием», охватывая фазу быстрого экономического роста, острый кризис 2008–2009 гг. и посткризисную адаптацию. В то же время именно за эти годы мы имеем необходимые микроданные.

В фокусе нашего анализа – динамика рынка труда, проявляющаяся в интенсивности и направленности потоков рабочей силы, и для этого используются панельные микроданные РМЭЗ за соответствующий период. Вопросы о том, мобильны ли российские работники, в какой мере и в каких направлениях, неоднократно привлекали исследователей, но остаются открытыми и во многом зависят от выбранного угла зрения. В то же время ответы на него имеют и очевидное практическое значение.

В исследовании мы последовательно применяем три методологических приема. Во-первых, это матрицы переходов, документирующие вероятности межстатусных перемещений. Во-вторых, это индексы Шоррокса, позволяющие дать интегральную оценку интенсивности перемещений и сравнить её с тем, что наблюдается в других странах. В-третьих, это динамическая мультиномиальная логит-модель, которая отвечает на вопросы об индивидуальных детерминантах межстатусной мобильности и о наличии/отсутствии предопределенности, задаваемой прошлыми состояниями на рынке труда (наличие структурной зависимости).

Какие выводы мы можем сформулировать по итогам всех этих упражнений? Их несколько.

Мы документируем интенсивную мобильность между занятостью, безработицей и неактивностью. Для подтверждения этого тезиса мы дополнительно сравниваем мобильность в России с показателями мобильности в европейских странах, используя для этого индексы Шоррокса. Матрицы перехода свидетельствуют о том, что безработица у нас не является застойным состоянием, и каждый второй из вчерашних безработных сегодня уже имеет работу.

Следует отметить особую роль состояния неактивности в адаптационных процессах на рынке труда. Оно не только ежегодно абсорбирует до трети всех безработных, но и с лагом в год возвращает значительную часть своего состава обратно в занятость. Более того, все используемые нами методы подтверждают, что неактивность частично берет на себя те функции, которые на рынке труда обычно выполняются безработицей. Это может быть

зеркальным отражением низкой «востребованности» специфических условий помощи безработным со стороны теряющих работу. Мизерные пособия и слабая доступность реальной помощи в трудоустройстве со стороны государственной службы занятости создают отрицательные стимулы для поиска работы из состояния безработицы. Индивиды предпочитают искать новую работу, уже имея какую-то, либо ожидают предложения вакансий, пребывая вне рынка труда. Высокий оборот внутри пулов занятых и неактивных позволяет предположить, что поиск работы идет преимущественно из этих состояний.

Стабильность занятости (а мы видим, что 90% всех занятых сохраняют этот статус от года к году) не означает её неизменность. Данные говорят о значительном обороте внутри этого пула, что связано и с неоднородностью рабочих мест внутри него, и с неслучайной сортировкой работников по рабочим местам. Для анализа потенциальной неоднородности мы делим всех занятых на три большие группы: работников бюджетного сектора, корпоративного и расширенного неформального. Такое деление отражает как эффекты регулирования, различающиеся по этим сегментам, так и возможные эффекты самоотбора в них. Оно высвечивает сильный контраст между слабой подвижностью в бюджетном секторе и высокой мобильностью в рыночном секторе, и особенно в неформальном сегменте последнего.

В рамках нашего анализа мы исследовали также зависимость текущего состояния на рынке труда от прошлого состояния. Наш анализ показывает, что она значительна, но не абсолютна. При этом если мужчины оставляют бюджетный сегмент, то ради работы в небюджетном; женщины же, покидая его, уходят с рынка труда совсем. Роль неактивности как временного резервуара свободной рабочей силы особенно заметна для женщин. Однако и у мужчин она не может быть недооценена.

Продолжение и углубление данного исследования может идти в разных направлениях. Прежде всего, это анализ влияния потоков на вариацию в показателях занятости, безработицы и участия в рабочей силе. Другое направление связано с анализом влияния институтов рынка труда и особенно системы помощи безработным (включая как пассивную, так и активную политику) на конфигурацию и интенсивность потоков. Третье предполагает более детальное изучение эффектов самоотбора, вызванных индивидуальными – в том числе ненаблюдаемыми – характеристиками индивидов. Чем лучше мы понимаем явные и скрытые механизмы мобильности, тем более точными будут рекомендации для политики на рынке труда.

Библиография

1. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под общ. ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014.
2. Гимпельсон В., Лукьянова А. Быть бюджетником в России: удачный выбор или несчастная судьба? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 10. № 4. С. 557–589.
3. Гимпельсон В., Лукьянова А. О бедном бюджетнике замолвите слово...: межсекторные различия в заработной плате // Вопросы экономики. 2006. № 6. С. 81–106.
4. Гимпельсон В., Жихарева О., Капелюшников Р. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика // Вопросы экономики. 2014. № 7.
5. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Рыжикова З. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках «созидательного разрушения» // Экономическая политика. 2012. № 4. С. 5–21.
6. Мальцева И. Нынче здесь, завтра – там: межфирменная трудовая мобильность в России // Отечественные записки. 2007. № 3 (36).
7. Мальцева И. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13. № 2. С. 243–278.
8. Сабирьянова К. Микроэкономический анализ динамических изменений на российском рынке труда // Вопросы экономики. 1998. № 1. С. 42–58.
9. Труд и занятость в России, 2013.
10. Шарунина А. Является ли российский «бюджетник» «неудачником»? Анализ межсекторных различий в оплате труда // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17. № 1. С. 75–107.
11. Blanchard O., Diamond P. The Cyclical Behaviour of the Gross Flows of US Workers // Brookings Papers on Economic Activity. 1990. No. 2. P. 85–143.
12. Friebel G., Guriev S. Attaching Workers Through In-kind Payments: Theory and Evidence from Russia // World Bank Economic Review. 2005. Vol. 19. No. 2. P.175–202.
13. Foley M. Labor Market Dynamics in Russia, 1995 (Mimeo).
14. Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukyanova A. Stuck between Surplus and Shortage: Demand for Skills in Russian Industry // Labour. 2010. Vol. 24. No. 3 (09). P. 311–332.

15. Gimpelson V., Slonimczyk F. Informality and Mobility: Evidence from Russian Panel Data // IZA Discussion Paper. 2013. No. 7703.
16. Gomes P. Labour Market Flows: Facts from the United Kingdom // Labour Economics. 2012. Vol. 19. No. 2. P.165–175.
17. Lehmann H., Wadsworth J. Tenures That Shook the World: Worker Turnover in Russia, Poland, and Britain // Journal of Comparative Economics. 2000. Vol. 28. No. 4. P. 639–664.
18. Petrangolo B., Pissarides C. The Ins and Outs of European Unemployment // American Economic Review Papers and Proceedings. 2008. No. 98. P. 256–262.
19. Shorrocks A. The Measurement of Mobility // Econometrica. 1978. Vol. 79. No. 5. P. 1013–1024.
20. Ward-Warmedinger M., Macchiarelli C. Transitions in Labour Market Status in the EU // IZA Discussion Paper. 2013. No. 7814.

Приложение: рисунки

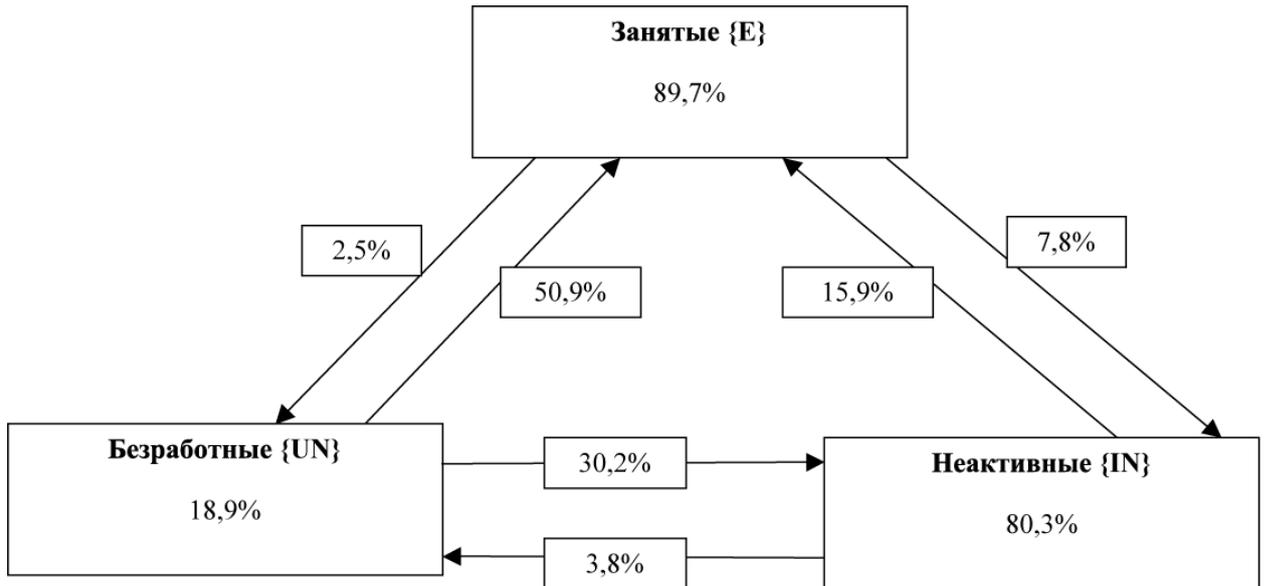

Рис. 1. Усредненные ежегодные потоки на российском рынке труда, вероятности перехода, 2000–2012 гг.

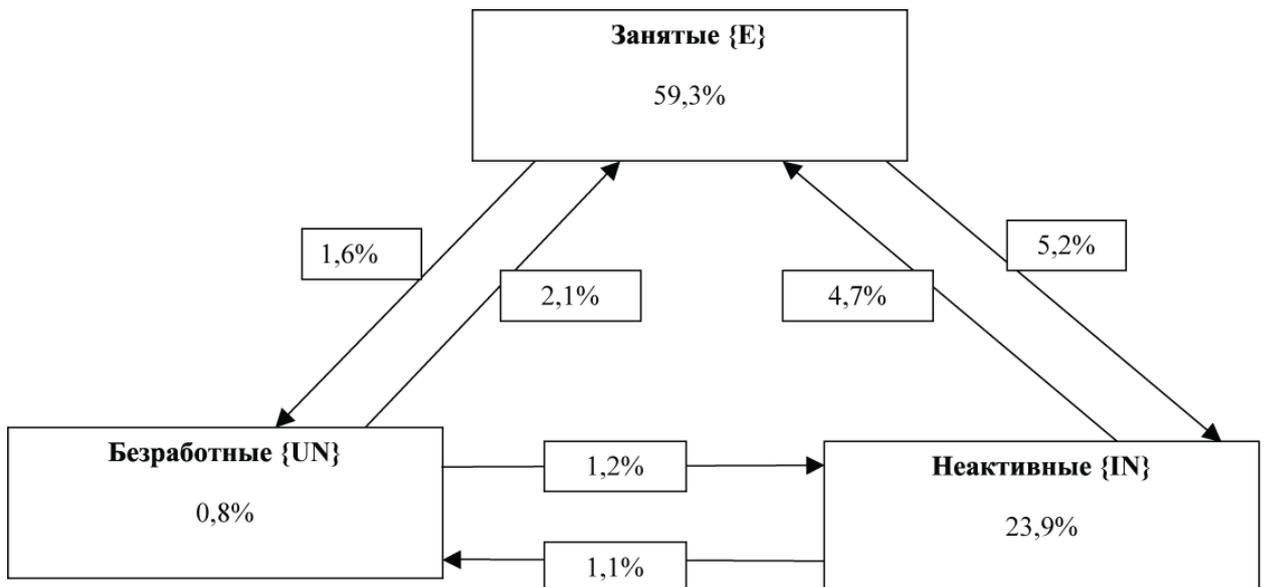

Рис. 2. Усредненные ежегодные потоки на российском рынке труда, % от населения, 2000–2012 гг.

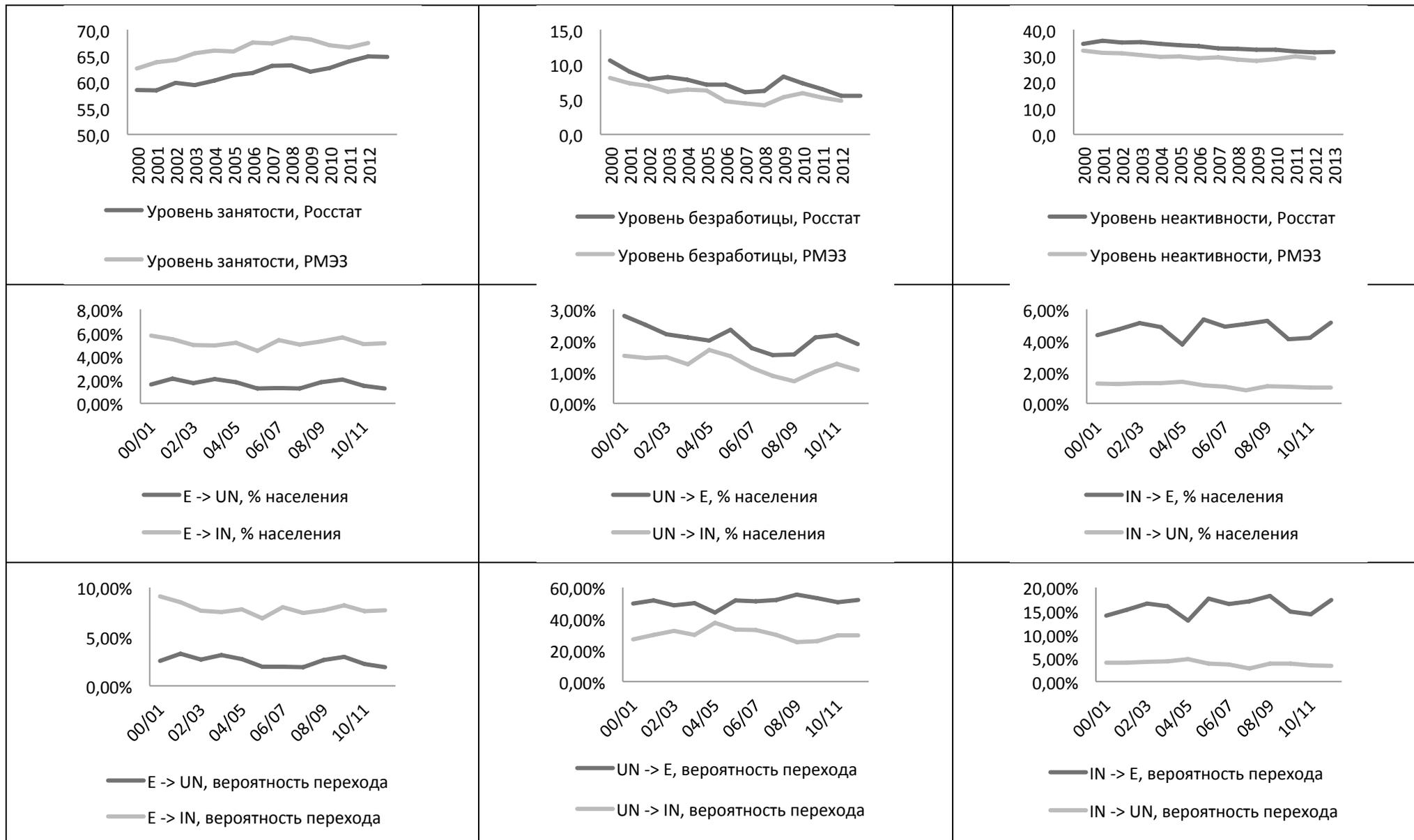

Рис. 3. Потоки, 2000–2012 гг.

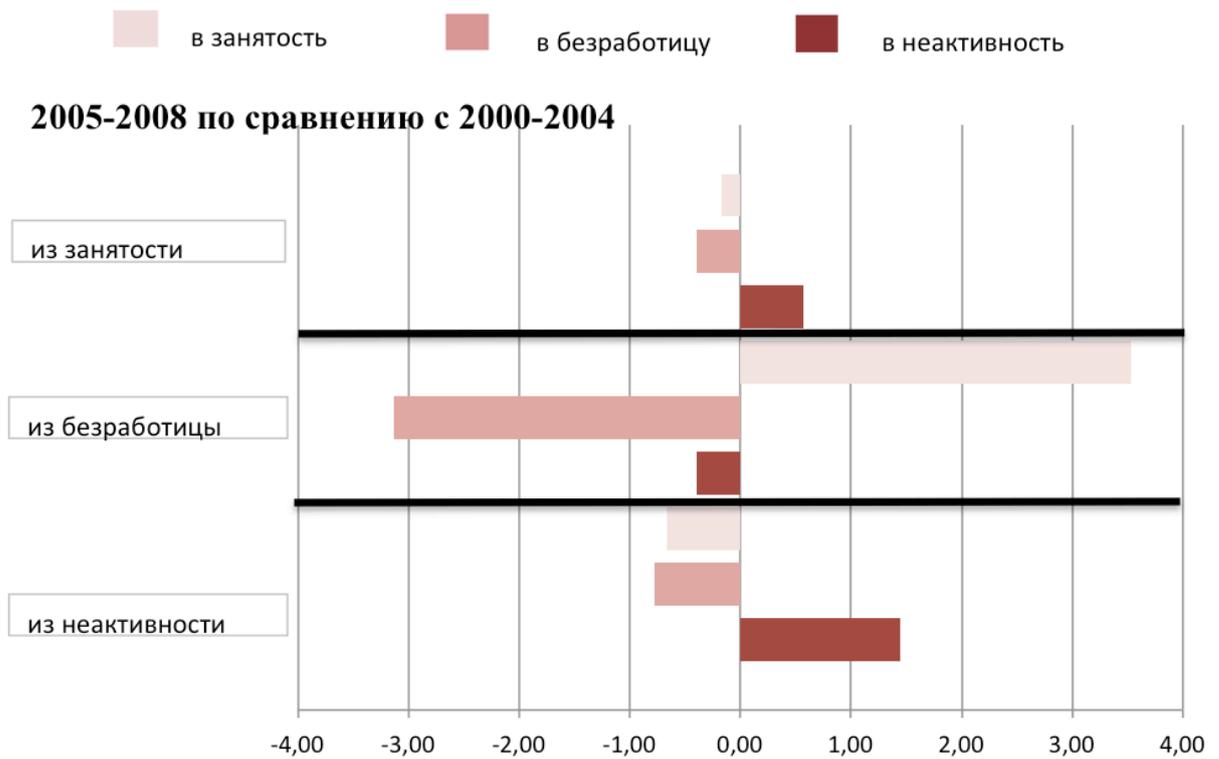

Рис. 4а. Сравнение потоков

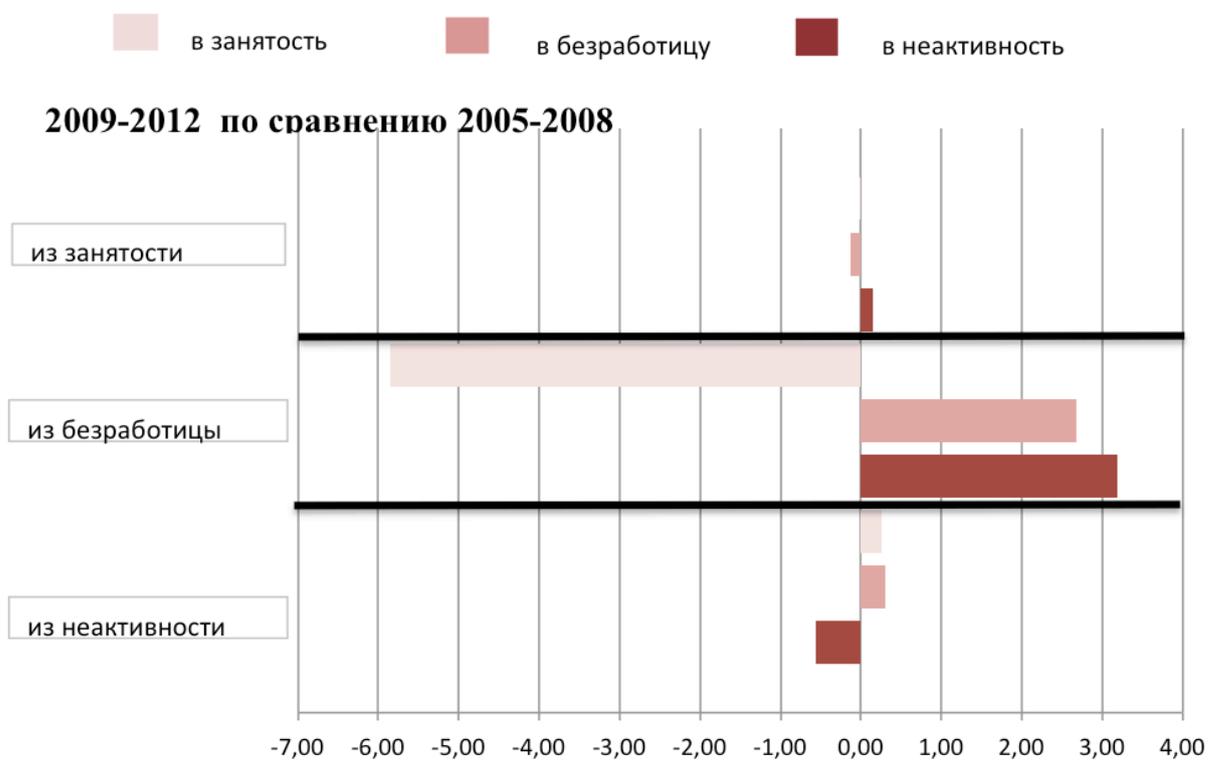

Рис. 4б. Сравнение потоков

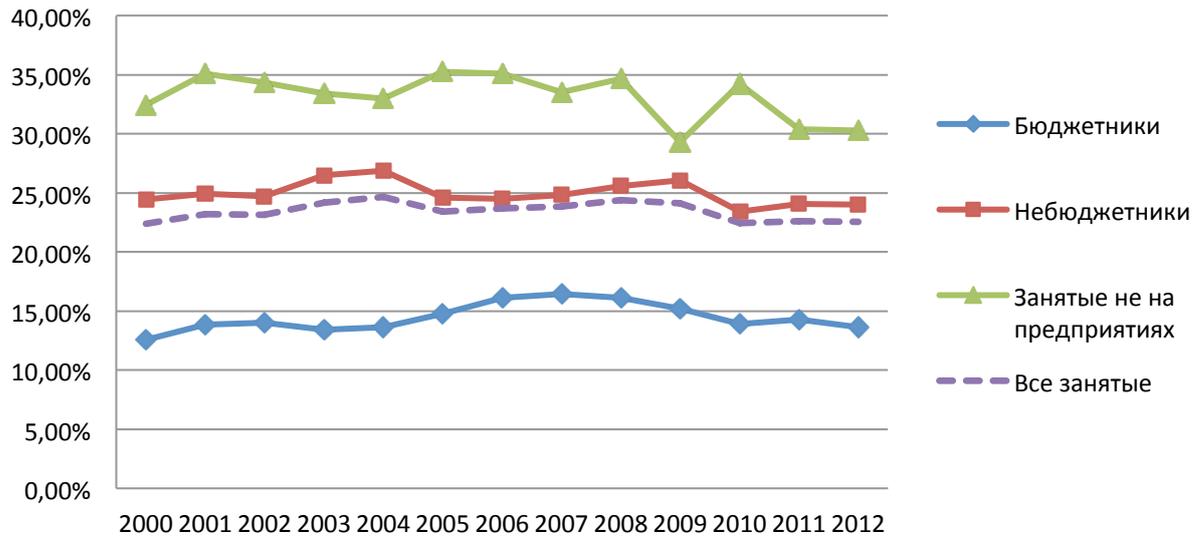

Рис. 5. Специальный стаж менее года

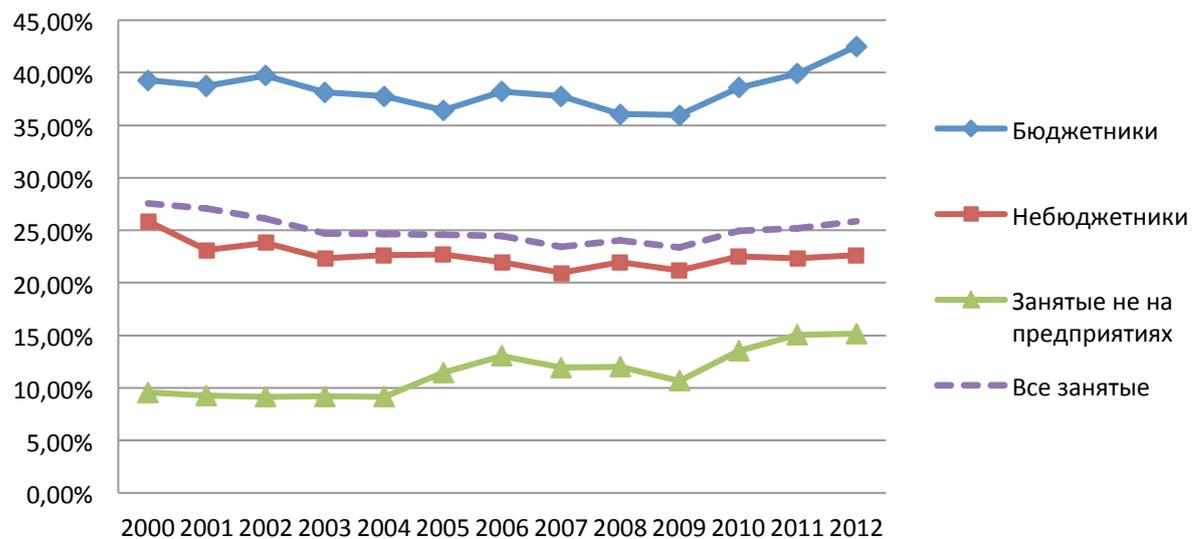

Рис. 6. Специальный стаж более 10 лет

Приложение: таблицы

Таблица 1. Дескриптивный анализ данных, 2000–2012 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Ср.знач.
<i>Статус занятости</i>														
Занятые,%	60,3	62,6	63,6	64,6	65,4	66,7	66,2	67,3	67,0	68,2	67,8	68,1	68,9	65,9
из них занятые в:														
бюджетном секторе,%	12,5	12,9	12,5	12,8	12,3	12,7	12,3	12,8	12,8	12,8	12,6	12,6	12,6	12,6
небюджетном секторе,%	37,7	40,2	40,7	41,5	42,7	43,7	43,8	43,8	44,5	45,4	45,1	45,2	45,7	43,1
некорпоративном секторе,%	10,1	9,5	10,4	10,3	10,4	10,3	10,2	10,7	9,8	10,1	10,1	10,3	10,6	10,2
Безработные,%	4,2	4,2	4,1	4,2	4,3	4,3	4,2	3,7	4,4	4,1	4,1	4,3	4,1	4,2
Неактивные,%	35,5	33,2	32,3	31,2	30,4	29,0	29,6	29,0	28,6	27,7	28,1	27,6	27,1	29,9
Женщины, %	56,6	57,2	56,6	56,7	56,8	56,5	57,0	57,0	57,3	57,6	57,2	57,6	57,9	57,1
<i>Возраст</i>														
20–29,%	20,4	22,1	24,1	25,8	26,6	28,6	28,7	29,5	30,5	30,9	29,3	28,9	28,7	27,2
30–49,%	38,5	38,9	38,8	38,9	39,2	38,7	38,1	37,8	38,2	38,7	38,5	39,9	40,2	38,8
50–72,%	41,1	39,1	37,1	35,3	34,2	32,7	33,2	32,7	31,4	30,4	32,3	31,2	31,1	34,0
Средний возраст, лет	45,7	44,8	44,0	43,2	42,6	41,8	41,8	41,4	40,9	40,6	41,1	40,9	41,8	42,4
<i>Образование</i>														
Третичное	41,7	43,0	43,3	42,8	43,8	43,5	45,0	44,4	44,9	44,7	46,9	47,1	47,8	44,5
Вторичное	35,7	36,7	36,7	37,2	37,6	38,5	38,3	38,8	39,0	39,2	38,5	39,1	38,8	38,0
Ниже вторичного	22,6	20,3	20,1	20,0	18,7	18,0	16,7	16,8	16,2	16,1	14,5	13,8	13,4	17,5
<i>Тип поселения</i>														
Москва, Санкт-Петербург,%	5,2	13,4	14,4	12,8	13,6	12,4	11,6	11,1	11,2	11,1	9,7	9,8	11,6	11,4
Региональная столица,%	33,5	29,9	29,4	28,7	28,8	28,3	29,8	30,4	30,4	30,1	31,0	31,1	31,0	30,2
Город,%	26,7	24,7	24,2	25,2	25,7	26,1	26,5	26,1	26,4	26,3	26,4	26,8	26,1	25,9
ПГТ, село и т.д., %	34,7	32,0	32,0	33,3	31,9	33,2	32,2	32,4	32,0	32,5	33,0	32,3	31,3	32,5
<i>Семья</i>														
Одинокие,%	31,8	33,0	32,9	33,0	33,2	33,2	34,8	34,2	34,0	33,2	31,9	31,7	31,1	32,9
Есть дети до 18 лет,%	16,3	17,0	18,7	20,8	25,1	26,9	28,4	29,8	30,1	31,6	33,4	34,8	35,6	26,8
Пенсионеры,%	35,5	33,3	31,5	30,1	28,6	26,7	27,5	26,6	26,0	24,9	25,4	25,1	24,5	28,1
Студенты,%	7,0	7,3	7,4	7,4	7,4	7,2	7,4	6,9	6,8	5,3	4,0	3,1	2,2	6,1

Таблица 2. Межстатусные вероятности перехода, 2000–2012 гг.

		E→E	E→UN	E→IN	UN→E	UN→UN	UN→IN	IN→E	IN→UN	IN→IN
00/01	вероятность	0,884	0,025	0,091	0,497	0,233	0,270	0,141	0,040	0,819
	дов. интервал	(0,879; 0,889)	(0,022; 0,028)	(0,088; 0,094)	(0,482; 0,512)	(0,222; 0,245)	(0,251; 0,289)	(0,132; 0,149)	(0,038; 0,043)	(0,811; 0,827)
01/02	вероятность	0,883	0,033	0,085	0,519	0,182	0,299	0,152	0,040	0,808
	дов. интервал	(0,878; 0,887)	(0,030; 0,035)	(0,082; 0,088)	(0,504; 0,534)	(0,171; 0,194)	(0,280; 0,318)	(0,144; 0,161)	(0,037; 0,042)	(0,800; 0,816)
02/03	вероятность	0,897	0,027	0,077	0,487	0,188	0,325	0,166	0,042	0,792
	дов. интервал	(0,892; 0,901)	(0,024; 0,030)	(0,074; 0,080)	(0,472; 0,502)	(0,177; 0,200)	(0,306; 0,344)	(0,157; 0,174)	(0,039; 0,045)	(0,785; 0,800)
03/04	вероятность	0,894	0,031	0,075	0,502	0,201	0,297	0,160	0,043	0,797
	дов. интервал	(0,889; 0,899)	(0,029; 0,034)	(0,072; 0,078)	(0,487; 0,517)	(0,190; 0,213)	(0,278; 0,316)	(0,152; 0,169)	(0,040; 0,046)	(0,789; 0,804)
04/05	вероятность	0,895	0,027	0,078	0,440	0,184	0,375	0,130	0,047	0,823
	дов. интервал	(0,890; 0,900)	(0,025; 0,030)	(0,075; 0,081)	(0,425; 0,455)	(0,173; 0,196)	(0,357; 0,394)	(0,121; 0,138)	(0,045; 0,050)	(0,815; 0,831)
05/06	вероятность	0,912	0,019	0,069	0,518	0,151	0,331	0,176	0,038	0,786
	дов. интервал	(0,907; 0,917)	(0,017; 0,022)	(0,065; 0,072)	(0,503; 0,534)	(0,139; 0,162)	(0,312; 0,350)	(0,167; 0,185)	(0,035; 0,041)	(0,778; 0,794)
06/07	вероятность	0,900	0,020	0,080	0,511	0,161	0,328	0,165	0,036	0,799
	дов. интервал	(0,895; 0,905)	(0,017; 0,022)	(0,077; 0,083)	(0,496; 0,526)	(0,149; 0,172)	(0,310; 0,347)	(0,157; 0,174)	(0,033; 0,039)	(0,791; 0,806)
07/08	вероятность	0,907	0,019	0,074	0,519	0,185	0,296	0,170	0,028	0,802
	дов. интервал	(0,902; 0,912)	(0,016; 0,022)	(0,071; 0,077)	(0,504; 0,534)	(0,173; 0,196)	(0,277; 0,315)	(0,162; 0,179)	(0,025; 0,031)	(0,794; 0,809)
08/09	вероятность	0,897	0,026	0,077	0,556	0,193	0,251	0,182	0,038	0,780
	дов. интервал	(0,892; 0,902)	(0,024; 0,029)	(0,074; 0,080)	(0,541; 0,571)	(0,181; 0,205)	(0,232; 0,270)	(0,173; 0,191)	(0,035; 0,041)	(0,773; 0,788)
09/10	вероятность	0,889	0,029	0,082	0,532	0,212	0,256	0,149	0,038	0,812
	дов. интервал	(0,884; 0,894)	(0,027; 0,032)	(0,079; 0,085)	(0,517; 0,547)	(0,200; 0,223)	(0,238; 0,275)	(0,140; 0,158)	(0,036; 0,041)	(0,805; 0,820)
10/11	вероятность	0,902	0,022	0,076	0,507	0,198	0,295	0,143	0,034	0,823
	дов. интервал	(0,897; 0,907)	(0,019; 0,025)	(0,073; 0,079)	(0,492; 0,523)	(0,186; 0,210)	(0,276; 0,314)	(0,134; 0,152)	(0,032; 0,037)	(0,815; 0,830)

Продолжение табл. 2

11/12	вероятность	0,904	0,019	0,077	0,521	0,185	0,294	0,173	0,033	0,793
	дов. интервал	(0,899; 0,909)	(0,016; 0,022)	(0,074; 0,080)	(0,506; 0,536)	(0,173; 0,197)	(0,276; 0,313)	(0,165; 0,182)	(0,031; 0,036)	(0,786; 0,801)
Среднее значение	вероятность	0,897	0,025	0,078	0,509	0,189	0,301	0,159	0,038	0,803
	дов. интервал	(0,892; 0,902)	(0,022; 0,027)	(0,075; 0,081)	(0,494; 0,524)	(0,178; 0,201)	(0,283; 0,320)	(0,150; 0,168)	(0,035; 0,041)	(0,795; 0,811)

Доверительный интервал, приведенный в таблице, рассчитан на 5%-м уровне значимости.

Таблица 3. Межстатусные переходы, % от населения, 2000–2012 гг.

		E→E	E→UN	E→IN	UN→E	UN→UN	UN→IN	IN→E	IN→UN	IN→IN
00/01	доля	0,560	0,016	0,058	0,028	0,013	0,015	0,044	0,013	0,254
	дов. интервал	(0,551; 0,570)	(0,014; 0,018)	(0,056; 0,060)	(0,026; 0,030)	(0,012; 0,014)	(0,013; 0,017)	(0,041; 0,046)	(0,012; 0,013)	(0,249; 0,259)
01/02	доля	0,567	0,021	0,055	0,025	0,009	0,014	0,047	0,012	0,250
	дов. интервал	(0,558; 0,576)	(0,019; 0,023)	(0,053; 0,056)	(0,023; 0,027)	(0,008; 0,010)	(0,013; 0,016)	(0,044; 0,050)	(0,011; 0,013)	(0,245; 0,255)
02/03	доля	0,579	0,017	0,049	0,022	0,009	0,015	0,051	0,013	0,244
	дов. интервал	(0,570; 0,589)	(0,016; 0,019)	(0,048; 0,051)	(0,020; 0,024)	(0,007; 0,010)	(0,013; 0,016)	(0,048; 0,054)	(0,012; 0,014)	(0,240; 0,249)
03/04	доля	0,586	0,021	0,049	0,021	0,008	0,012	0,048	0,013	0,241
	дов. интервал	(0,577; 0,595)	(0,019; 0,022)	(0,047; 0,051)	(0,019; 0,023)	(0,007; 0,010)	(0,011; 0,014)	(0,046; 0,051)	(0,012; 0,014)	(0,236; 0,246)
04/05	доля	0,595	0,018	0,052	0,020	0,008	0,017	0,038	0,014	0,238
	дов. интервал	(0,586; 0,605)	(0,016; 0,020)	(0,050; 0,054)	(0,018; 0,022)	(0,007; 0,010)	(0,015; 0,019)	(0,035; 0,040)	(0,013; 0,015)	(0,233; 0,243)
05/06	доля	0,594	0,013	0,045	0,023	0,007	0,015	0,054	0,011	0,239
	дов. интервал	(0,584; 0,603)	(0,011; 0,014)	(0,043; 0,047)	(0,021; 0,025)	(0,006; 0,008)	(0,013; 0,017)	(0,051; 0,056)	(0,011; 0,012)	(0,234; 0,244)
06/07	доля	0,603	0,013	0,054	0,018	0,006	0,011	0,049	0,011	0,237
	дов. интервал	(0,593; 0,612)	(0,011; 0,015)	(0,052; 0,056)	(0,016; 0,020)	(0,004; 0,007)	(0,010; 0,013)	(0,046; 0,052)	(0,010; 0,012)	(0,232; 0,241)
07/08	доля	0,611	0,013	0,050	0,015	0,005	0,009	0,051	0,008	0,238
	дов. интервал	(0,602; 0,620)	(0,011; 0,014)	(0,048; 0,052)	(0,013; 0,017)	(0,004; 0,007)	(0,007; 0,010)	(0,048; 0,053)	(0,007; 0,009)	(0,233; 0,243)

08/09	доля	0,613	0,018	0,052	0,016	0,005	0,007	0,052	0,011	0,225
	дов. интервал	(0,603; 0,622)	(0,016; 0,020)	(0,051; 0,054)	(0,014; 0,018)	(0,004; 0,007)	(0,005; 0,009)	(0,050; 0,055)	(0,010; 0,012)	(0,221; 0,230)
09/10	доля	0,610	0,020	0,056	0,021	0,008	0,010	0,041	0,011	0,223
	дов. интервал	(0,601; 0,620)	(0,018; 0,022)	(0,054; 0,058)	(0,019; 0,023)	(0,007; 0,010)	(0,009; 0,012)	(0,038; 0,044)	(0,010; 0,011)	(0,218; 0,227)
10/11	доля	0,600	0,015	0,050	0,022	0,008	0,013	0,042	0,010	0,240
	дов. интервал	(0,591; 0,610)	(0,013; 0,016)	(0,049; 0,052)	(0,020; 0,024)	(0,007; 0,010)	(0,011; 0,014)	(0,039; 0,045)	(0,009; 0,011)	(0,235; 0,245)
11/12	доля	0,602	0,013	0,051	0,019	0,007	0,011	0,052	0,010	0,236
	дов. интервал	(0,593; 0,612)	(0,011; 0,015)	(0,049; 0,053)	(0,017; 0,021)	(0,006; 0,008)	(0,009; 0,012)	(0,049; 0,054)	(0,009; 0,011)	(0,231; 0,241)
Среднее значение	доля	0,593	0,016	0,052	0,021	0,008	0,012	0,047	0,011	0,239
	дов. интервал	(0,584; 0,603)	(0,015; 0,018)	(0,050; 0,054)	(0,019; 0,023)	(0,007; 0,009)	(0,011; 0,014)	(0,044; 0,050)	(0,010; 0,012)	(0,234; 0,244)

Доверительный интервал, приведенный в таблице, рассчитан на 5%-м уровне значимости.

Таблица 4. Демографический состав потоков, средние значения, 2000–2012 гг.

	Пол		Возраст			Образование		
	Мужчины	Женщины	20-29	30-49	50+	Третьичное	Вторичное	ниже
E→E	47,09%	52,91%	20,41%	54,47%	25,13%	50,68%	37,98%	11,34%
E→UN	52,69%	47,31%	31,72%	48,07%	20,21%	38,51%	47,78%	13,71%
E→IN	34,70%	65,30%	25,01%	31,81%	43,18%	40,03%	40,42%	19,55%
UN→U								
N	45,35%	54,65%	35,40%	43,10%	21,50%	41,40%	42,10%	16,51%
UN→E	49,24%	50,76%	42,22%	42,60%	15,18%	40,58%	45,14%	14,29%
UN→IN	39,44%	60,56%	30,61%	38,03%	31,36%	34,49%	50,88%	14,62%
IN→IN	28,91%	71,09%	12,30%	14,13%	73,57%	34,01%	30,88%	35,11%
IN→E	33,34%	66,66%	36,66%	37,09%	26,25%	42,32%	41,04%	16,65%
IN→UN	35,43%	64,57%	43,80%	37,24%	18,96%	41,85%	45,84%	12,31%

Таблица 5. Декомпозиция потоков, средние значения, 2000–2012 гг., % от населения в соответствующей группе

	Вся выборка	Пол		Возраст			Образование		
		Мужчины	Женщины	20-29	30-49	50+	Третьичное	Вторичное	ниже
E→E	59,34	67,58	53,53	58,79	77,21	37,76	67,79	61,07	35,65
E→UN	1,64	2,06	1,34	2,52	1,86	0,85	1,36	2,03	1,21
E→IN	5,17	4,35	5,76	6,26	3,83	6,00	4,60	5,53	5,40
UN→UN	0,78	0,86	0,73	1,34	0,79	0,39	0,74	0,84	0,67
UN→E	2,08	2,46	1,81	4,25	2,12	0,75	1,79	2,48	1,61
UN→IN	1,24	1,17	1,29	1,85	1,14	1,00	0,95	1,72	1,03
IN→IN	23,87	16,71	28,93	14,22	7,94	49,38	18,05	19,78	49,41
IN→E	4,73	3,83	5,36	8,36	4,09	3,34	3,85	5,18	4,30
IN→UN	1,14	0,97	1,25	2,41	1,00	0,54	0,87	1,36	0,71

Таблица 6. Усредненные оценки, 2000–2012 гг.

		<i>t</i>				
		Бюджетный сектор	Корпоративный сектор	Некорпоративный сектор	Безработица	Неактивность
<i>t-1</i>	Бюджетный сектор	80,36%	10,92%	1,44%	1,13%	6,15%
		10,94%	1,5%	0,20%	0,16%	0,84%
	Корпоративный сектор	3,10%	83,52%	5,18%	2,38%	5,82%
		1,33%	35,70%	2,21%	1,01%	2,48%
	Некорпоративный сектор	2,23%	24,27%	49,71%	4,81%	18,98%
		0,22%	2,38%	4,86%	0,47%	1,85%
	Безработица	5,33%	29,88%	15,70%	18,94%	30,15%
		0,22%	1,21%	0,64%	0,78%	1,24%
	Неактивность	2,52%	6,97%	6,40%	3,82%	80,29%
		0,75%	2,07%	1,91%	1,14%	23,87%

Примечание. В каждой ячейки верхнее значение соответствует вероятности перехода, нижнее – процент от населения в рассматриваемом возрасте.

Таблица 7. Индексы Шоррокса, 2000–2012 гг.

	00/01	01/02	02/03	03/04	04/05	05/06	06/07	07/08	08/09	09/10	10/11	11/12	Среднее значение
Вся выборка	0,532	0,563	0,561	0,554	0,549	0,576	0,570	0,553	0,565	0,544	0,539	0,559	0,555
Пол													
<i>Мужчины</i>	0,516	0,556	0,582	0,587	0,539	0,606	0,598	0,548	0,573	0,525	0,532	0,566	0,561
<i>Женщины</i>	0,548	0,573	0,551	0,535	0,559	0,560	0,558	0,564	0,565	0,569	0,547	0,562	0,558
Возраст													
<i>20-29</i>	0,662	0,732	0,706	0,728	0,723	0,693	0,686	0,712	0,664	0,689	0,636	0,670	0,692
<i>30-49</i>	0,631	0,648	0,662	0,635	0,590	0,675	0,673	0,599	0,654	0,593	0,616	0,621	0,633
<i>50+</i>	0,566	0,576	0,517	0,464	0,507	0,534	0,534	0,515	0,525	0,524	0,491	0,547	0,525
Образование													
<i>Третичное</i>	0,501	0,543	0,558	0,521	0,514	0,567	0,541	0,532	0,573	0,569	0,524	0,544	0,541
<i>Вторичное</i>	0,611	0,631	0,623	0,611	0,599	0,588	0,618	0,593	0,597	0,558	0,558	0,576	0,597
<i>ниже</i>	0,497	0,557	0,470	0,508	0,571	0,571	0,589	0,490	0,447	0,501	0,516	0,510	0,519

**Таблица 8. Мультиномиальная логит-регрессия, 2001–2012 гг.
(зависимая переменная: статус занятости)**

База – занятость в текущем периоде				
	Мужчины		Женщины	
	<i>Безработные</i>	<i>Неактивные</i>	<i>Безработные</i>	<i>Неактивные</i>
<i>Возраст (база 20-29 лет)</i>				
30-49	-0,071 (0,060)	0,281*** (0,063)	-0,688*** (0,053)	-0,914*** (0,037)
50+	-0,269*** (0,096)	0,945*** (0,068)	-1,058*** (0,114)	-0,494*** (0,051)
<i>Образование (база третичное)</i>				
Вторичное	0,259*** (0,061)	0,645*** (0,050)	0,461*** (0,052)	0,624*** (0,032)
ниже	0,259*** (0,080)	0,961*** (0,058)	0,489*** (0,080)	1,004*** (0,041)
<i>Тип поселения (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>				
Региональная столица	-0,170* (0,095)	-0,221*** (0,081)	-0,236*** (0,088)	-0,164*** (0,055)
Город	-0,224** (0,101)	-0,225*** (0,083)	-0,220** (0,094)	-0,207*** (0,057)
ПГТ, село и т.д.	0,014 (0,099)	0,627*** (0,081)	-0,107 (0,092)	0,143** (0,057)
<i>Семейное положение (база – одинокие)</i>				
Замужние/Женатые	-0,829*** (0,062)	-1,015*** (0,052)	0,017 (0,052)	0,349*** (0,030)
<i>Дети до 18 (база – нет)</i>				
Есть дети до 18	-0,416*** (0,068)	-0,581*** (0,058)	-0,097* (0,055)	0,529*** (0,036)
<i>Пенсионер (база – нет)</i>				
Пенсионер	0,610*** (0,101)	2,532*** (0,055)	0,151 (0,126)	2,120*** (0,048)
<i>Студент (база – нет)</i>				
Студент	0,463*** (0,085)	1,491*** (0,074)	0,211** (0,089)	0,701*** (0,054)
<i>Занятость в предыдущем периоде (база – неактивен)</i>				
Занят	-0,794*** (0,049)	-1,570*** (0,039)	-0,933*** (0,047)	-1,788*** (0,029)
Безработный	1,500*** (0,075)	-0,098 (0,077)	1,346*** (0,080)	-0,366*** (0,062)
<i>Федеральный округ (база – ЦФО)</i>				
СЗФО	-0,182* (0,101)	-0,308*** (0,084)	-0,179** (0,087)	-0,374*** (0,054)
ЮФО	0,292*** (0,085)	0,564*** (0,070)	0,150* (0,084)	0,352*** (0,048)
ПФО	0,019 (0,084)	0,302*** (0,068)	0,048 (0,080)	0,077* (0,045)

Продолжение табл. 8

УФО	0,153 (0,112)	0,035 (0,092)	0,008 (0,107)	-0,045 (0,059)
СФО	0,165* (0,090)	0,185 (0,077)	0,245*** (0,083)	0,038 (0,052)
ДВФО	-0,017 (0,135)	-0,268 (0,105)	0,309*** (0,116)	0,150** (0,076)
<i>Год (база – 2001)</i>				
2002	0,010 (0,119)	0,015 (0,070)	0,007 (0,109)	0,109** (0,052)
2003	0,091 (0,112)	0,050 (0,066)	-0,060 (0,104)	0,043 (0,048)
2004	-0,006 (0,115)	-0,005 (0,068)	0,008 (0,102)	0,082* (0,048)
2005	0,082 (0,114)	-0,065 (0,068)	-0,088 (0,106)	0,097* (0,050)
2006	0,116 (0,108)	-0,106 (0,068)	-0,274*** (0,102)	-0,115** (0,047)
2007	-0,143 (0,114)	0,010 (0,068)	-0,191* (0,104)	0,030 (0,047)
2008	0,101 (0,110)	0,056 (0,068)	0,014 (0,101)	0,070 (0,049)
2009	0,032 (0,114)	0,069 (0,070)	-0,114 (0,103)	-0,072 (0,049)
2010	-0,053 (0,105)	-0,267*** (0,065)	-0,206** (0,096)	-0,178*** (0,046)
2011	0,167 (0,104)	0,020 (0,066)	-0,106 (0,096)	0,036 (0,045)
2012	0,008 (0,106)	0,048 (0,067)	-0,082 (0,096)	0,029 (0,046)
Количество наблюдений	55097		73550	
Pseudo R2	0,315		0,259	

Таблица 9. Мультиномиальная логит-регрессия, симулированные условные вероятности, 2001–2012 гг. (зависимая переменная: статус занятости)

Зависимая переменная: статус занятости						
	Мужчины			Женщины		
	Занятые	Безработные	Неактивные	Занятые	Безработные	Неактивные
<i>Возраст</i>						
20-29	0,787*** (0,004)	0,055*** (0,002)	0,158*** (0,004)	0,525*** (0,004)	0,052*** (0,002)	0,423*** (0,004)
30-49	0,766*** (0,004)	0,048*** (0,002)	0,185*** (0,004)	0,669*** (0,005)	0,037*** (0,002)	0,294*** (0,004)
50-72	0,706*** (0,005)	0,034*** (0,002)	0,259*** (0,005)	0,618*** (0,005)	0,023*** (0,002)	0,359*** (0,005)
<i>Образование</i>						
Третичное	0,794*** (0,004)	0,044*** (0,002)	0,162*** (0,003)	0,663*** (0,003)	0,034*** (0,001)	0,303*** (0,003)
Вторичное	0,732*** (0,003)	0,049*** (0,002)	0,219*** (0,003)	0,563*** (0,004)	0,044*** (0,002)	0,393*** (0,004)
Ниже вторичного	0,702*** (0,005)	0,045*** (0,003)	0,252*** (0,004)	0,507*** (0,006)	0,039*** (0,003)	0,454*** (0,006)
<i>Тип поселения</i>						
Москва, Санкт-Петербург	0,754*** (0,007)	0,052*** (0,004)	0,194*** (0,006)	0,594*** (0,007)	0,044*** (0,003)	0,362*** (0,007)
Региональная столица	0,777*** (0,004)	0,047*** (0,002)	0,176*** (0,004)	0,622*** (0,004)	0,037*** (0,001)	0,341*** (0,004)
Город	0,779*** (0,004)	0,044*** (0,002)	0,176*** (0,004)	0,628*** (0,004)	0,037*** (0,002)	0,334*** (0,004)
ПГТ, село и т.д.	0,697*** (0,004)	0,046*** (0,002)	0,257*** (0,004)	0,577*** (0,004)	0,038*** (0,002)	0,385*** (0,004)
<i>Семья</i>						
Одинокие	0,663*** (0,005)	0,065*** (0,003)	0,273*** (0,005)	0,635*** (0,003)	0,040*** (0,001)	0,325*** (0,003)
Замужние/ Женатые	0,783*** (0,002)	0,037*** (0,001)	0,180*** (0,002)	0,588*** (0,003)	0,037*** (0,001)	0,376*** (0,003)

Продолжение табл. 9

Нет детей до 18	0,736*** (0,002)	0,050*** (0,001)	0,215*** (0,002)	0,625*** (0,003)	0,041*** (0,001)	0,334*** (0,002)
Есть дети до 18	0,798*** (0,005)	0,038*** (0,002)	0,164*** (0,005)	0,556*** (0,004)	0,032*** (0,001)	0,413*** (0,004)
<i>Пенсионер</i>						
Нет	0,836*** (0,003)	0,049*** (0,001)	0,115*** (0,002)	0,726*** (0,003)	0,044*** (0,001)	0,230*** (0,003)
Да	0,502*** (0,008)	0,040*** (0,003)	0,458*** (0,007)	0,373*** (0,006)	0,020*** (0,002)	0,606*** (0,007)
<i>Студент</i>						
Нет	0,760*** (0,002)	0,046*** (0,001)	0,194*** (0,002)	0,613*** (0,002)	0,038*** (0,001)	0,349*** (0,002)
Да	0,594*** (0,009)	0,049*** (0,004)	0,357*** (0,009)	0,509*** (0,008)	0,037*** (0,003)	0,455*** (0,008)

В регрессиях дополнительно контролировались годовые дамми и дамми для федеральных округов. При использовании мультиномиальной логит-регрессии стандартные ошибки оценивались как робастные и кластеризованные по индивидам. При расчете предельных эффектов стандартные ошибки рассчитывались дельта-методом.

Таблица 10. Матрица предсказанных вероятностей переходов, построенная на основе симуляций, 2001–2012 гг.

		<i>t</i>					
		<i>Мужчины</i>			<i>Женщины</i>		
<i>t-1</i>	Занятые	Занятые 0,911*** (0,002)	Безработные 0,032*** (0,001)	Неактивные 0,057*** (0,002)	Занятые 0,826*** (0,003)	Безработные 0,027*** (0,001)	Неактивные 0,146*** (0,003)
	Безработные	0,616*** (0,014)	0,215*** (0,011)	0,168*** (0,010)	0,486*** (0,013)	0,157*** (0,010)	0,358*** (0,014)
	Неактивные	0,725*** (0,005)	0,057*** (0,002)	0,218*** (0,005)	0,466*** (0,004)	0,039*** (0,001)	0,494*** (0,004)

Таблица 11. Мультиномиальная логит-регрессия, 2001–2012 гг.
(зависимая переменная: статус занятости)
 База – занятость в небюджетном секторе

Мужчины

	<i>Занятые в бюджетном секторе</i>	<i>Занятые в некорпоративном секторе</i>	<i>Безработные</i>	<i>Неактивные</i>
<i>Возраст (база 20-29 лет)</i>				
30-49	0,095 (0,079)	0,164*** (0,045)	-0,077 (0,062)	0,210*** (0,062)
50+	0,231** (0,092)	-0,180*** (0,067)	-0,355*** (0,098)	0,760*** (0,070)
<i>Образование (база третичное)</i>				
Вторичное	-0,652*** (0,065)	0,407*** (0,047)	0,257*** (0,063)	0,636*** (0,051)
ниже	-0,789*** (0,097)	0,531*** (0,058)	0,252*** (0,083)	0,912*** (0,060)
<i>Тип поселения (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>				
Региональная столица	-0,039 (0,103)	0,140* (0,083)	-0,295*** (0,097)	-0,479*** (0,081)
Город	-0,391*** (0,110)	0,104 (0,086)	-0,371*** (0,104)	-0,504*** (0,083)
ПГТ, село и т.д.	0,163 (0,107)	0,497*** (0,084)	-0,111 (0,103)	0,275*** (0,082)
<i>Семейное положение (база – одинокие)</i>				
Замужние/Женатые	0,153* (0,082)	-0,408*** (0,049)	-0,888*** (0,065)	-1,081*** (0,054)
<i>Дети до 18 (база – нет)</i>				
Есть дети до 18	-0,558*** (0,078)	0,032 (0,043)	-0,397*** (0,069)	-0,480*** (0,058)
<i>Пенсионер (база – нет)</i>				
Пенсионер	0,283*** (0,085)	0,290*** (0,076)	0,664*** (0,104)	2,522*** (0,060)
<i>Студент (база – нет)</i>				
Студент	0,103 (0,138)	0,437*** (0,075)	0,583*** (0,090)	1,608*** (0,073)
<i>Занятость в предыдущем периоде (база – занят в небюджетном секторе)</i>				
Занят в бюджетном секторе	3,420*** (0,083)	0,144 (0,120)	0,380** (0,156)	0,608*** (0,110)
Занят в некорпоративном секторе	0,174 (0,119)	2,254*** (0,050)	1,271*** (0,074)	1,526*** (0,060)
Безработный	0,254 (0,158)	1,123*** (0,076)	2,408*** (0,082)	1,492*** (0,082)
Неактивен	0,613*** (0,100)	1,346*** (0,056)	1,559*** (0,072)	2,535*** (0,054)

<i>Федеральный округ (база – ЦФО)</i>				
СЗФО	0,144 (0,103)	-0,117 (0,084)	-0,133 (0,103)	-0,202** (0,083)
ЮФО	0,196* (0,101)	0,683*** (0,066)	0,475*** (0,089)	0,743*** (0,072)
ПФО	0,051 (0,092)	0,228*** (0,064)	0,038 (0,087)	0,300*** (0,067)
УФО	-0,087 (0,125)	-0,155* (0,083)	0,164 (0,115)	0,086 (0,090)
СФО	0,217** (0,099)	0,442*** (0,068)	0,271*** (0,093)	0,295*** (0,077)
ДВФО	0,318** (0,125)	-0,006 (0,100)	0,110 (0,141)	-0,037 (0,105)
<i>Год (база – 2001)</i>				
2002	0,014 (0,113)	0,120 (0,084)	-0,007 (0,120)	-0,041 (0,082)
2003	-0,291*** (0,104)	-0,016 (0,077)	-0,008 (0,113)	-0,105 (0,074)
2004	-0,343*** (0,107)	0,039 (0,077)	-0,098 (0,116)	-0,175** (0,077)
2005	-0,199* (0,103)	-0,078 (0,077)	-0,051 (0,115)	-0,275*** (0,076)
2006	-0,329*** (0,104)	0,066 (0,075)	0,160 (0,109)	0,054 (0,075)
2007	-0,254** (0,103)	0,074 (0,074)	-0,230** (0,116)	-0,148* (0,076)
2008	-0,413*** (0,106)	-0,138* (0,077)	-0,062 (0,112)	-0,196** (0,076)
2009	-0,277*** (0,105)	-0,083 (0,077)	-0,129 (0,116)	-0,219*** (0,077)
2010	-0,109 (0,098)	0,183** (0,071)	0,147 (0,107)	0,195*** (0,071)
2011	-0,431*** (0,010)	0,057 (0,071)	0,124 (0,106)	-0,055 (0,073)
2012	0,357*** (0,099)	0,023 (0,071)	-0,045 (0,108)	-0,022 (0,073)
Количество наблюдений	55097			
Pseudo R2	0,277			

Женщины

База – занятость в небюджетном секторе

	<i>Занятые в бюджетном секторе</i>	<i>Занятые в некорпоративном секторе</i>	<i>Безработные</i>	<i>Неактивные</i>
<i>Возраст (база 20-29 лет)</i>				
30-49	0,117*** (0,044)	-0,108** (0,049)	-0,676*** (0,055)	-0,915*** (0,039)
50+	-0,048 (0,067)	-0,208*** (0,079)	-1,143*** (0,118)	-0,608*** (0,057)
<i>Образование (база третичное)</i>				
Вторичное	-0,755*** (0,043)	0,268*** (0,047)	0,265*** (0,054)	0,392*** (0,036)
ниже	-0,642*** (0,073)	0,406*** (0,069)	0,316*** (0,084)	0,803*** (0,049)
<i>Тип поселения (база – Москва и Санкт-Петербург)</i>				
Региональная столица	-0,102 (0,068)	0,020 (0,089)	-0,391*** (0,091)	-0,444*** (0,060)
Город	-0,098 (0,070)	0,191** (0,092)	-0,347*** (0,098)	-0,442*** (0,062)
ПГТ, село и т.д.	0,384*** (0,071)	0,474*** (0,090)	-0,103 (0,097)	-0,030 (0,065)
<i>Семейное положение (база – одинокие)</i>				
Замужние/Женатые	0,127*** (0,039)	-0,003 (0,046)	0,044 (0,054)	0,383*** (0,034)
<i>Дети до 18 (база – нет)</i>				
Есть дети до 18	0,076* (0,043)	-0,001 (0,049)	-0,059 (0,057)	0,578*** (0,039)
<i>Пенсионер (база – нет)</i>				
Пенсионер	0,781*** (0,065)	0,492*** (0,082)	0,464*** (0,130)	2,403*** (0,057)
<i>Студент (база – нет)</i>				
Студент	0,288*** (0,085)	0,444*** (0,088)	0,444*** (0,094)	1,032*** (0,061)
<i>Занятость в предыдущем периоде (база – занят в небюджетном секторе)</i>				
Занят в бюджетном секторе	3,342*** (0,052)	0,534*** (0,080)	0,874*** (0,090)	0,914*** (0,055)
Занят в некорпоративном секторе	0,144* (0,085)	2,259*** (0,061)	1,057*** (0,087)	1,020*** (0,056)
Безработный	0,486*** (0,094)	1,107*** (0,087)	2,258*** (0,089)	1,155*** (0,068)
Неактивен	0,843*** (0,048)	1,179*** (0,050)	1,392*** (0,059)	2,179*** (0,037)
<i>Федеральный округ (база – ЦФО)</i>				
СЗФО	0,237*** (0,063)	0,177** (0,085)	-0,049 (0,091)	-0,196*** (0,061)

Продолжение табл. 11

ЮФО	0,270*** (0,065)	0,849*** (0,076)	0,399*** (0,089)	0,636*** (0,057)
ПФО	0,027 (0,056)	0,231*** (0,075)	0,059 (0,083)	0,072 (0,050)
УФО	0,116 (0,073)	0,161** (0,094)	0,086 (0,111)	0,080 (0,066)
СФО	0,122* (0,066)	0,558*** (0,079)	0,357*** (0,086)	0,164*** (0,059)
ДВФО	0,058 (0,096)	0,243** (0,116)	0,415*** (0,121)	0,327*** (0,085)
<i>Год (база – 2001)</i>				
2002	-0,184** (0,076)	0,006 (0,087)	-0,180 (0,111)	-0,057 (0,059)
2003	-0,056 (0,066)	-0,054 (0,078)	-0,177* (0,107)	-0,135** (0,055)
2004	-0,161** (0,066)	-0,142* (0,080)	-0,125 (0,104)	-0,106* (0,056)
2005	-0,181*** (0,068)	-0,126 (0,081)	-0,261** (0,108)	-0,168*** (0,057)
2006	0,065 (0,065)	0,019 (0,080)	-0,208** (0,104)	0,051 (0,054)
2007	-0,132** (0,065)	-0,164** (0,081)	-0,338** (0,106)	-0,184*** (0,054)
2008	-0,151** (0,067)	-0,196** (0,081)	-0,145 (0,103)	-0,166*** (0,056)
2009	-0,279*** (0,067)	-0,208** (0,080)	-0,332*** (0,106)	-0,260*** (0,057)
2010	0,232*** (0,063)	0,124* (0,075)	0,017 (0,098)	0,256*** (0,052)
2011	-0,127** (0,063)	-0,094 (0,076)	-0,179* (0,098)	-0,053 (0,052)
2012	0,357*** (0,099)	-0,014 (0,075)	-0,150 (0,098)	-0,056 (0,053)
Количество наблюдений	73550			
Pseudo R2	0,270			

Таблица 12. Мультиномиальная логит-регрессия, симулированные условные вероятности, 2001–2012 гг.

Зависимая переменная: статус занятости

Мужчины

	Занятые в бюджетном секторе	Занятые в небюджетном секторе	Занятые в некорпоративном секторе	Безработные	Неактивные
<i>Возраст</i>					
20-29	0,055*** (0,002)	0,582*** (0,005)	0,137*** (0,003)	0,055*** (0,002)	0,171*** (0,004)
30-49	0,057*** (0,002)	0,559*** (0,004)	0,150*** (0,003)	0,048*** (0,002)	0,186*** (0,004)
50-72	0,061*** (0,003)	0,549*** (0,006)	0,104*** (0,004)	0,034*** (0,002)	0,251*** (0,004)
<i>Образование</i>					
Третичное	0,079*** (0,002)	0,593*** (0,004)	0,113*** (0,003)	0,045*** (0,002)	0,169*** (0,003)
Вторичное	0,043*** (0,002)	0,547*** (0,004)	0,142*** (0,003)	0,049*** (0,001)	0,219*** (0,003)
Ниже вторичного	0,037*** (0,003)	0,524*** (0,006)	0,150*** (0,004)	0,045*** (0,003)	0,244*** (0,004)
<i>Тип поселения</i>					
Москва, Санкт-Петербург	0,059*** (0,004)	0,556*** (0,008)	0,106*** (0,006)	0,057*** (0,004)	0,223*** (0,006)
Региональная столица	0,060*** (0,002)	0,582*** (0,005)	0,130*** (0,003)	0,047*** (0,002)	0,181*** (0,003)
Город	0,047*** (0,002)	0,597*** (0,005)	0,129*** (0,004)	0,045*** (0,002)	0,182*** (0,003)
ПГТ, село и т.д.	0,062*** (0,002)	0,507*** (0,005)	0,148*** (0,003)	0,045*** (0,002)	0,239*** (0,004)
<i>Семья</i>					
Одинокие	0,045*** (0,002)	0,481*** (0,006)	0,143*** (0,004)	0,064*** (0,002)	0,268*** (0,004)
Замужние/Женатые	0,061*** (0,001)	0,588*** (0,003)	0,132*** (0,002)	0,038*** (0,001)	0,182*** (0,002)
Нет детей до 18	0,063*** (0,002)	0,546*** (0,003)	0,129*** (0,002)	0,049*** (0,001)	0,212*** (0,002)
Есть дети до 18	0,045*** (0,002)	0,593*** (0,005)	0,148*** (0,004)	0,038*** (0,002)	0,176*** (0,004)
<i>Пенсионер</i>					
Нет	0,062*** (0,002)	0,616*** (0,003)	0,148*** (0,002)	0,050*** (0,001)	0,125*** (0,002)
Да	0,049*** (0,002)	0,374*** (0,008)	0,092*** (0,005)	0,041*** (0,003)	0,443*** (0,008)

<i>Студент</i>					
Нет	0,058*** (0,001)	0,567*** (0,003)	0,134*** (0,002)	0,046*** (0,001)	0,194*** (0,002)
Да	0,046*** (0,005)	0,421*** (0,010)	0,131*** (0,007)	0,050*** (0,004)	0,352*** (0,009)

Женщины

	Занятые в бюджетном секторе	Занятые в небюджетном секторе	Занятые в некорпоративном секторе	Безработные	Неактивные
<i>Возраст</i>					
20-29	0,151*** (0,003)	0,300*** (0,004)	0,071*** (0,002)	0,052*** (0,002)	0,426*** (0,004)
30-49	0,198*** (0,003)	0,378*** (0,004)	0,088*** (0,003)	0,037*** (0,002)	0,298*** (0,004)
50-72	0,175*** (0,004)	0,372*** (0,006)	0,077*** (0,003)	0,023*** (0,002)	0,353*** (0,005)
<i>Образование</i>					
Третичное	0,217*** (0,002)	0,361*** (0,003)	0,074*** (0,002)	0,036*** (0,001)	0,313*** (0,003)
Вторичное	0,128*** (0,003)	0,354*** (0,004)	0,087*** (0,002)	0,043*** (0,001)	0,388*** (0,004)
Ниже вторичного	0,123*** (0,005)	0,310*** (0,007)	0,084*** (0,004)	0,038*** (0,003)	0,445*** (0,006)
<i>Тип поселения</i>					
Москва, Санкт-Петербург	0,165*** (0,005)	0,331*** (0,007)	0,061*** (0,004)	0,045*** (0,003)	0,399*** (0,007)
Региональная столица	0,172*** (0,003)	0,377*** (0,004)	0,073*** (0,002)	0,037*** (0,001)	0,342*** (0,004)
Город	0,171*** (0,003)	0,371*** (0,005)	0,083*** (0,003)	0,038*** (0,002)	0,338*** (0,004)
ПГТ, село и т.д.	0,199*** (0,003)	0,305*** (0,005)	0,087*** (0,002)	0,038*** (0,002)	0,371*** (0,004)
<i>Семья</i>					
Одинокие	0,178*** (0,003)	0,371*** (0,004)	0,085*** (0,002)	0,040*** (0,001)	0,326*** (0,003)
Замужние/Женатые	0,177*** (0,002)	0,336*** (0,003)	0,075*** (0,002)	0,037*** (0,001)	0,375*** (0,003)
Нет детей до 18	0,180*** (0,002)	0,363*** (0,003)	0,083*** (0,002)	0,041*** (0,001)	0,333*** (0,002)
Есть дети до 18	0,168*** (0,003)	0,316*** (0,004)	0,069*** (0,002)	0,032*** (0,001)	0,414*** (0,004)
<i>Пенсионер</i>					
Нет	0,190*** (0,002)	0,433*** (0,004)	0,095*** (0,002)	0,044*** (0,001)	0,238*** (0,003)
Да	0,156*** (0,004)	0,165*** (0,005)	0,049*** (0,003)	0,021*** (0,002)	0,609*** (0,007)

<i>Студент</i>					
Нет	0,179*** (0,002)	0,356*** (0,002)	0,079*** (0,001)	0,038*** (0,001)	0,348*** (0,002)
Да	0,161*** (0,006)	0,248*** (0,008)	0,076*** (0,005)	0,037*** (0,003)	0,478*** (0,008)

В регрессиях дополнительно контролировались годовые дамми и дамми для федеральных округов. При использовании мультиномиальной логит-регрессии строились робастные и кластеризованные по индивидам стандартные ошибки. При расчете предельных эффектов стандартные ошибки рассчитывались дельта-методом.

Таблица 13. Матрица предсказанных вероятностей переходов, построенная на основе симуляций, 2001–2012 гг.

Мужчины

		<i>t</i>				
		Занятые в бюджетном секторе	Занятые в небюджетном секторе	Занятые в некорпоративном секторе	Безработные	Неактивные
<i>t-1</i>	Занятые в бюджетном секторе	0,531*** (0,017)	0,331*** (0,015)	0,052*** (0,006)	0,024*** (0,004)	0,062*** (0,006)
	Занятые в небюджетном секторе	0,039*** (0,001)	0,746*** (0,004)	0,102*** (0,002)	0,037*** (0,001)	0,076*** (0,072)
	Занятые в некорпоративном секторе	0,021*** (0,002)	0,332*** (0,009)	0,433*** (0,010)	0,059*** (0,004)	0,155*** (0,007)
	Безработные	0,027*** (0,004)	0,401*** (0,014)	0,169*** (0,009)	0,222*** (0,012)	0,181*** (0,011)
	Неактивные	0,031*** (0,003)	0,319*** (0,009)	0,167*** (0,006)	0,075*** (0,004)	0,408*** (0,010)

Женщины

		<i>t</i>				
<i>t-1</i>		Занятые в бюджетном секторе	Занятые в небюджетном секторе	Занятые в некорпоративном секторе	Безработные	Неактивные
	Занятые в бюджетном секторе	0,670*** (0,007)	0,126*** (0,004)	0,027*** (0,002)	0,018*** (0,001)	0,131*** (0,005)
	Занятые в небюджетном секторе	0,108*** (0,002)	0,557*** (0,005)	0,069*** (0,002)	0,034*** (0,001)	0,232*** (0,003)
	Занятые в некорпоративном секторе	0,053*** (0,004)	0,238*** (0,008)	0,393*** (0,012)	0,042*** (0,003)	0,275*** (0,010)
	Безработные	0,088*** (0,007)	0,278*** (0,011)	0,105*** (0,007)	0,162*** (0,010)	0,368*** (0,014)
	Неактивные	0,078*** (0,003)	0,173*** (0,004)	0,070*** (0,002)	0,042*** (0,002)	0,637*** (0,006)

Gimpelson, V., Sharunina, A.

Workers Flows in the Russian Labour Market: 2000–2012 [Electronic resource] : Working paper WP3/2014/07 / V. Gimpelson, A. Sharunina ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (1 Mb). – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2014. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 50 p. (In Russian.)

We analyze mobility of Russian workers through the lens of major flows during the period of 2000–2012. The paper focuses on intensity and direction of flows and exploits panel micro-data from the RLMS for the corresponding period. Three simple techniques are used in this study. First, these are matrixes presenting probabilities of interstate transitions. Second, mobility indexes (first introduced by A. Shorrocks) estimate intensity of mobility and allow for cross-country comparisons. Third, we estimate dynamic multinomial logit model in order to get sense whether the current labour market state is predetermined by previous state and to estimate effects of observable individual characteristics. We note high intensity of labour flows and the important role of economic inactivity in cross-state reallocation of population.

*Препринт WP3/2014/07
Серия WP3
Проблемы рынка труда*

Гимпельсон Владимир Ефимович, Шарунина Анна Вячеславовна

Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг.